

"ЖЕНЩИНА, НЕ СТОЯЩАЯ ВНИМАНИЯ"

("A Woman of No Importance")

Dorian-Gray.ru - Портрет Дориана Грея - книга, фильм, цитаты!

Уважаемый читатель!

Данный файл представлен исключительно в ознакомительных целях.

Все тексты взяты из открытых электронных источников и выложены на сайте для не коммерческого использования!

Если вы скопируете данный файл, Вы должны незамедлительно удалить его сразу после ознакомления с содержанием.

Копируя и сохраняя его, Вы принимаете на себя всю ответственность, согласно действующему международному законодательству.

Все авторские права на данный файл сохраняются за правообладателем.

Любое коммерческое и иное использование, кроме предварительного ознакомления запрещено.

Публикация данного документа не преследует никакой коммерческой выгоды.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лорд Иллингворт.
Сэр Джон Понтефракт.
Лорд Альфред Рафффорд.
Мистер Келвиль, Ч. П.
Архидиакон Добени.
Джеральд Арбетнот.
Фаркэр, дворецкий.
Френсис, лакей.
Леди Ханстентон.
Леди Кэролайн Понтефракт.
Леди Статфилд.
Миссис Оллонби.
Мисс Эстер Уэрсли.
Алиса, горничная.
Миссис Арбетнот.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лужайка перед террасой в Ханстентоне.
Сэр Джон и леди Кэролайн Понтефракт, мисс Эстер Уэрсли - на стульях под большим тиссом.

Леди Кэролайн. Мисс Уэрсли, вам, кажется, впервые приходится гостить в английском поместье?

Эстер. Да, леди Кэролайн.

Леди Кэролайн. У вас в Америке нет помещичьих домов, как мне говорили?

Эстер. У нас их не много.

Леди Кэролайн. А деревня у вас есть? То есть то, что мы назвали бы "деревенским простором"?

Эстер (улыбаясь). У нас есть просторы, наша страна самая обширная на всем свете. В школе нас учили, что некоторые из наших штатов по величине равняются Англии и Франции, вместе взятым.

Леди Кэролайн. Воображаю, какие у вас там сквозняки! (Сэру Джону.) Джон, надел бы ты шарф. Для чего же я вяжу тебе шарфы, если ты их никогда не носишь?

Сэр Джон. Мне очень тепло, Кэролайн, уверяю тебя.

Леди Кэролайн. Не думаю, Джон. Ну что ж, мисс Уэрсли, вам повезло; очаровательное местечко, лучше и не найти, хотя дом - крайне сырой, прямо-таки непростительно сырой, а милая леди Ханстентон подчас бывает не слишком разборчива, приглашая сюда гостей. (Сэру Джону.) Она любит смешанное общество. Лорд Иллингворт, конечно, человек выдающийся. Быть знакомой с ним - уже привилегия. А этот член парламента, мистер Кеттль...

Сэр Джон. Келвиль, дорогая, Келвиль.

Леди Кэролайн. Должно быть, очень порядочный человек. О нем никто ровно ничего не слышал, а в наше время одно это уже очень много говорит о человеке. Зато миссис Оллонби вряд ли подходящая особа.

Эстер. Мне миссис Оллонби не нравится. Так не нравится, что и сказать не могу.

Леди Кэролайн. Не знаю, мисс Уэрсли, следует ли иностранкам так прямо говорить, что им нравятся или не нравятся люди, с которыми их знакомят. Миссис Оллонби очень хорошего рода. Она племянница лорда Бранкастера. Правда, говорят, что до замужества она два раза убегала из дому. Но вы знаете, как люди бывают несправедливы. Я лично думаю, что она бегала не больше одного раза.

Эстер. Мистер Арбетнот очень мил.

Леди Кэролайн. Ах да, тот молодой человек, что служит в банке. Леди Ханстентон была так добра, что пригласила его к себе, и лорду Иллингворту он, кажется, очень понравился. Но не знаю, право, хорошо ли делает Джейн, что поднимает его выше привычной сферы. В мое время, мисс Уэрсли, людей, которые зарабатывали себе на жизнь, нельзя было встретить в обществе. Это считалось как-то не принято.

Эстер. В Америке именно таких людей уважают больше всего.

Леди Кэролайн. Не сомневаюсь в этом.

Эстер. Мистер Арбетнот чудесная натура. Он такой простой, такой искренний. Один из самых чудесных людей, каких я встречала. Познакомиться с ним - это привилегия.

Леди Кэролайн. Мисс Уэрсли, в Англии не принято, чтобы молодая девушка говорила с восторгом о лицах другого пола. Английские женщины скрывают свои чувства до тех пор, пока не выйдут замуж. А после того они их выказывают,

Эстер. Разве у вас в Англии не допускают дружбы между молодым человеком и девушкой?

Входит леди Ханстентон в сопровождении лакея с шальями и подушкой.

Леди Кэролайн. Мы считаем это крайне нежелательным. Джейн, я только что говорила, какое приятное общество у вас собралось. У вас удивительная способность объединять людей. Прямо-таки талант.

Леди Ханстентон. Как это любезно с вашей стороны, Кэролайн. Я думаю, мы все

отлично уживаемся вместе. И, надеюсь, наша милая гостья из Америки унесет с собой приятные воспоминания о жизни в английском поместье. (Лакею.) Подушку сюда, Френсис. И мою шаль. Шотландскую. Принесите шотландскую.

Лакей уходит за шалью. Входит Джеральд Арбетнот.

Джеральд: Леди Ханстентон, могу сообщить вам очень приятную новость. Лорд Иллингворт только что предложил мне стать его секретарем.

Леди Ханстентон. Секретарем? Да, это действительно приятная новость, Джеральд. Это значит, что перед вами открывается блестящее будущее. Ваша милая матушка будет в восторге. Право, надо постараться уговорить ее, чтобы она пришла сюда нынче вечером. Как по-вашему, Джеральд, она придет? Я знаю, как трудно уговорить ее пойти куда-нибудь.

Джеральд. О, я думаю, она придет, леди Ханстентон, когда узнает, что лорд Иллингворт сделал мне такое предложение.

Входит лакей с шалью.

Леди Ханстентон. Я напишу ей и попрошу прийти и познакомиться с ним. (Лакею.) Подождите, Френсис. (Пишет письмо.)

Леди Кэролайн. Изумительное начало для такого молодого человека, как вы, мистер Арбетнот.

Джеральд. В самом деле, леди Кэролайн. Надеюсь, я смогу доказать, что достоин этого.

Леди Кэролайн. Я тоже надеюсь.

Джеральд (к Эстер). Вы еще не поздравили меня, мисс Уэрсли.

Эстер. А вы очень этому рады?

Джеральд. Конечно, рад. Для меня это значит все: все, на что я не смел надеяться до сих пор, стало теперь для меня доступно.

Эстер. Нет ничего такого, на что нельзя было бы надеяться. Жизнь и есть надежда.

Леди Ханстентон. Мне кажется, Кэролайн, лорд Иллингворт метит - в дипломаты. Ему, как я слышала, предлагали Вену. Но это еще, может быть, и неправда.

Леди Кэролайн. Не думаю, Джейн, чтобы представителем Англии за рубежом мог быть холостяк. Это может вызвать осложнения.

Леди Ханстентон. Не волнуйтесь, Кэролайн. Поверьте мне, вы напрасно волнуетесь. Кроме того, лорд Иллингворт может жениться, когда ему вздумается. Я надеялась, что он женится на леди Келсо. Но, кажется, он говорил, что у нее слишком большая семья. Или слишком большая нога? Не помню, что именно. Но мне, право, очень жаль. Она создана быть женою посланника.

Леди Кэролайн. У нее в самом деле есть удивительная способность запоминать фамилии людей и забывать их лица.

Леди Ханстентон. Что ж, Кэролайн, это ведь вполне естественно, не так ли? (Лакею.) Скажите, чтобы Генри подождал ответа. Я написала несколько строк вашей милой матушке, Джеральд. Сообщаю ей вашу новость и прошу непременно приехать к обеду.

Джеральд. Вы очень добры, леди Ханстентон. (К Эстер.) Не хотите ли пройтись, мисс Уэрсли?

Эстер. С удовольствием. (Уходит вместе с Джеральдом.)

Леди Ханстентон. Я очень рада, что Джеральду так повезло. Он ведь мой протеже. И я особенно довольна тем, что лорд Иллингворт сам предложил ему место, без всяких намеков с моей стороны. Кто же любит, чтобы у него просили одолжений? Я помню, один сезон бедную Шарлотту Пегден просто избегали в обществе, потому что она всем навязывала свою гувернантку-француженку.

Леди Кэролайн. Я видела эту гувернантку, Джейн. Еще до того, как Элинор начала выезжать в свет. Она была слишком красива, чтобы ее можно было держать в порядочном доме. Не удивляюсь, что леди Пегден так хотелось отделаться от нее.

Леди Ханстентон. Ах, тогда понятно!

Леди Кэролайн. Джон, на траве для тебя слишком сыро. Сию минуту походи и надень галоши.

Сэр Джон. Мне и так хорошо, не беспокойся, Кэролайн.

Леди Кэролайн. Нет, ты уж позволь, Джон. Мне лучше это знать. Сделай, пожалуйста, как я говорю.

Сэр Джон встает и уходит.

Леди Ханстентон. Вы, право, балуете его, Кэролайн!

Входят миссис Оллонби и леди Статфилд.

(К миссис Оллонби.) Ну, дорогая, надеюсь, вам понравился парк? Говорят, деревья в нем хороши.

Миссис Оллонби. Деревья чудесные, леди Ханстентон.

Леди Статфилд. Да-да, очень, очень хорошие.

Миссис Оллонби. А все-таки мне кажется, проживи я в деревне полгода, я стала бы до того неинтересной, что на меня решительно перестали бы обращать внимание.

Леди Ханстентон. Уверяю вас, дорогая, деревня вовсе не оказывает такого влияния. Ну как же, ведь это из Меторпа, всего в двух милях от нас, леди Белтон убежала с лордом Фезерсделем. Прекрасно помню этот случай. Бедный лорд Белтон скончался через три дня не то от радости, не то от подагры. Забыла от чего. У нас в то время гостило много народу, так что мы все очень интересовались этим происшествием.

Миссис Оллонби. Я думаю, что бежать - это трусость. Это значит избегать опасности. А опасности так редко встречаются в нашей жизни.

Леди Кэролайн. Насколько я могу судить, единственная цель жизни у теперешних молодых женщин - это игра с огнем.

Миссис Оллонби. Первое условие игры с огнем, леди Кэролайн, в том, чтобы даже не обжечься. Обжигаются только те, кто не знает правил игры.

Леди Статфилд. Да, понимаю. Это очень, очень полезно знать.

Леди Ханстентон. Не знаю, как мир уживется с такой теорией, милая миссис Оллонби.

Леди Статфилд. Ах, мир был создан для мужчин, а не для женщин!

Миссис Оллонби. Не окажите, леди Статфилд. Нам живется гораздо веселее. Для нас существует гораздо больше запретного, чем для них.

Леди Статфилд. Да, это совершенно, совершенно верно. Мне это как-то не приходило в голову.

Входят сэр Джон и мистер Келвиль.

Леди Ханстентон. Ну как, мистер Келвиль, закончили вы свою работу?

Келвиль. На сегодня я кончил писать, леди Ханстентон. Задача была нелегкая. Современный общественный деятель должен отдавать работе все свое время, а это очень тяжело, в самом деле тяжело. И не думаю, чтобы его труды встречали соответственное признание.

Леди Кэролайн. Джон, ты надел галоши?

Сэр Джон. Да, милая.

Леди Кэролайн. Ты бы лучше перешел ко мне, сюда, Джон. Здесь больше тени.

Сэр Джон. Мне и так очень хорошо, Кэролайн.

Леди Кэролайн. Не думаю, Джон. Тебе лучше бы сесть рядом со мной.

Сэр Джон встает и переходит к ней.

Леди Статфилд. А о чем же вы писали сегодня, мистер Келвиль?

Келвиль. На обычную тему, леди Статфилд. О чистоте нравов.

Леди Статфилд. Должно быть, очень, очень интересно писать на эту тему.

Келвиль. Это единственная тема, действительно имеющая в наши дни общенародное значение. Я намерен обратиться по этому вопросу с речью к моим избирателям перед открытием парламентской сессии. Я считаю, что беднейшие классы нашей страны проявляют заметное стремление к более высокому моральному уровню.

Леди Статфилд. Очень, очень мило с их стороны.

Леди Кэролайн. Вы стоите за то, чтобы женщины участвовали в политике, мистер Кеттль?

Сэр Джон. Келвиль, дорогая, Келвиль!

Келвиль. Постоянно растущее влияние женщин - это единственное в нашей политической жизни, что подает какую-то надежду на будущее, леди Кэролайн. Женщины всегда стоят за нравственность, и личную и общественную.

Леди Статфилд. Это очень, очень лестно слышать от вас.

Леди Ханстенон. Ах да! Нравственное достоинство женщины - вот что всего важнее. Боюсь, Кэролайн, что лорд Иллингворт не ценит нравственности в женщинах так, как следовало бы!

Входит лорд Иллингворт.

Леди Статфилд. В свете говорят, что лорд Иллингворт очень, очень безнравственный человек.

Лорд Иллингворт. Но какой свет говорит это, леди Статфилд? Тот свет, надо полагать. А с этим светом я в наилучших отношениях. (Садится рядом с миссис Оллонби.)

Леди Статфилд. Все, кого я знаю, говорят, что вы очень, очень безнравственный.

Лорд Иллингворт. Это прямо чудовищно, как люди себя ведут нынче: говорят у человека за спиной всю чистую правду.

Леди Ханстенон. Милый лорд Иллингворт совершенно безнадежен, леди Статфилд. Я давно оставила все попытки его исправить. Для этой цели надо было бы основать благотворительное общество с советом директоров и платным секретарем. Но ведь у вас уже есть секретарь, лорд Иллингворт, не правда ли? Джеральд рассказал нам, как ему повезло, - вы очень добры.

Лорд Иллингворт. Не говорите этого, леди Ханстенон. "Добрый" - ужасное слово. Мне с первого взгляда очень понравился молодой Арбетнот, и он будет мне весьма полезен в том, что я по своему безрассудству задумал сделать.

Леди Ханстенон. Это замечательный юноша. И его мать одна из самых близких моих приятельниц. Он только что пошел прогуляться с нашей хорошенькой американочкой. Ведь правда, она очень хорошенькая?

Леди Кэролайн. Слишком даже хорошенькая. Эти американки захватывают себе самых лучших женихов. Почему они не сидят у себя дома? Они же всегда твердят нам, что Америка - рай для женщин.

Лорд Иллингворт. Это так и есть, леди Кэролайн. Вот потому-то они и стремятся, подобно Еве, поскорее удрать оттуда.

Леди Кэролайн. А кто родители мисс Уэрсли?

Лорд Иллингворт. Американки удивительно ловко скрывают своих родителей.

Леди Ханстенон. Дорогой мой лорд Иллингворт, что вы хотите этим сказать? Мисс Уэрсли сирота, Кэролайн. Ее отец был, кажется, не то миллионер, не то филантроп, или и то и другое вместе; он оказал очень любезный прием моему сыну, когда тот был в

Бостоне. Не знаю, право, на чем он нажил свои миллионы.

Келвиль. Я думаю, на американской мануфактуре.

Леди Ханстентон. А что это такое?

Лорд Иллингворт. Американские романы.

Леди Ханстентон. Как странно!.. Ну что ж, откуда бы ни произошло богатство мисс Уэрсли, я очень ее уважаю. Она необыкновенно хорошо одевается. Все американки хорошо одеваются. Они заказывают свои туалеты в Париже.

Миссис Оллонби. Говорят, леди Ханстентон, что после смерти хорошие американцы отправляются в Париж.

Леди Ханстентон. Вот как? А куда же деваются после смерти плохие американцы?

Лорд Иллингворт. О, они отправляются в Америку.

Келвиль. Боюсь, лорд Иллингворт, что вы недооцениваете Америку. Это весьма замечательная страна, особенно если принять во внимание ее молодость.

Лорд Иллингворт. Молодость Америки - это самая старая из ее традиций. Ей насчитывается уже триста лет. Послушаешь американцев, так можно вообразить, будто они все еще находятся во младенчестве. А во всем, что дело касается цивилизации, они уже впали в детство.

Келвиль. Без сомнения, политическая жизнь Америки сильно затронута коррупцией. Я полагаю, вы это имеете в виду?

Лорд Иллингворт. Не знаю. Может быть.

Леди Ханстентон. Говорят, с политикой нынче везде просто ужасно. И в Англии, разумеется, тоже. Милый мистер Кардью просто губит страну. Не знаю, как это миссис Кардью ему позволяет. Вы, конечно, не думаете, лорд Иллингворт, что невежественных людей можно допускать к голосованию?

Лорд Иллингворт. Я думаю, что только их-то и следует допускать.

Келвиль. А разве вы не становитесь на чью-либо сторону в политике, лорд Иллингворт?

Лорд Иллингворт. Никогда и ни в чем не надо становиться на чью-либо сторону, мистер Келвиль. С этого начинается искренность, за ней по пятам следует серьезность - и человек делается непроходимо скучен. Тем не менее Палата общин - учреждение, в сущности, почти безвредное. Законодательным путем нельзя привести людей к добродетели - и это уже хорошо.

Келвиль. Вы не можете отрицать, что Палата общин всегда проявляла большое сочувствие к страданиям бедняков.

Лорд Иллингворт. Это ее болезнь. И вообще болезнь века. Надо бы сочувствовать радости, красоте, живой жизни. Чем меньше говорят о язвах жизни, тем лучше, мистер Келвиль.

Келвиль. Все же наш Ист-энд представляет собой весьма важную проблему.

Лорд Иллингворт. Совершенно верно. Это проблема рабства. А мы пытаемся разрешить ее, развлекая рабов.

Леди Ханстентон. Конечно, очень много можно сделать путем недорогих развлечений, как вы говорите, лорд Иллингворт. Наш милый доктор Добени, здешний пастор, зимой устраивает чудесные вечера для бедных. И очень много добра можно сделать, если показать им волшебный фонарь, дать послушать какого-нибудь миссионера или устроить еще что-нибудь популярное в этом роде.

Леди Кэралайн. Я решительно против развлечений для бедных, Джейн. Довольно с них одеял и угля. И без того высшие классы помешаны на удовольствиях. Нам в нашей современной жизни не хватает здоровья. А это нездоровое направление, совсем нездоровое.

Келвиль. Вы совершенно правы, леди Кэралайн.

Леди Кэралайн. Думаю, что я всегда права.

Миссис Оллонби. Отвратительное слово "здоровье".

Лорд Иллингворт. Самое глупое слово в нашем языке, а ведь хорошо известно, что такое распространенное в публике представление о здоровье. Английский помещик, во весь опор скачущий за лисицей, - бесшабашный в погоне за несъедобной.

Келвиль. Разрешите спросить, лорд Иллингворт, считаете ли вы Палату лордов более совершенным учреждением, чем Палату общин?

Лорд Иллингворт. Разумеется. В Палате лордов мы никогда не сталкиваемся с общественным мнением. Это и делает нас культурным учреждением.

Келвиль. Вы серьезно высказываете такой взгляд?

Лорд Иллингворт. Совершенно серьезно, мистер Келвиль. (К миссис Оллонби.) Вульгарная привычка завелась теперь у людей: спрашивать, после того как вы поделились с ними мыслью, - серьезно вы говорили или нет. Ничто не серьезно, кроме страсти. Интеллект и сейчас не серьезен, да и никогда не был серьезным. Это инструмент, на котором играешь, вот и все. Единственно серьезная форма интеллекта, как мне известно, - это британский интеллект. А на британском интеллекте невежды играют как на барабане.

Леди Ханстенон. Что это вы говорите про барабан, лорд Иллингворт?

Лорд Иллингворт. Я просто пересказывал миссис Оллонби передовые статьи из лондонских газет.

Леди Ханстенон. А разве вы верите всему, что пишут в газетах?

Лорд Иллингворт. Верю. Нынче только то и случается, чему невозможно поверить. (Встает вместе с миссис Оллонби.)

Леди Ханстенон. Вы уходите, миссис Оллонби?

Миссис Оллонби. Не так далеко - в оранжерею. Лорд Иллингворт сказал мне, что там есть орхидея, прекрасная, как семь смертных грехов.

Леди Ханстенон. Дорогая моя, надеюсь, там нет ничего подобного. Придется мне поговорить с садовником.

Миссис Оллонби и лорд Иллингворт уходят.

Леди Кэролайн. Интересный тип эта миссис Оллонби.

Леди Ханстенон. Она иногда уж слишком дает волю своему острому язычку.

Леди Кэролайн. Разве миссис Оллонби только в этом одном дает себе волю?

Леди Ханстенон. Ну конечно, Кэролайн, надеюсь, что так.

Входит лорд Альфред.

Дорогой лорд Альфред, присоединяйтесь к нам.

Лорд Альфред садится рядом с леди Статфилд.

Леди Кэролайн. Вы всему хорошему готовы верить, Джейн. А это большая ошибка.

Леди Статфилд. Вы в самом деле думаете, леди Кэролайн, что нельзя верить ничему хорошему?

Леди Кэролайн. Я думаю, что так гораздо безопаснее, леди Статфилд. Пока, разумеется, не узнаешь, что человек действительно хорош. А это в наше время не так-то легко узнать.

Леди Статфилд. Но в нашей жизни столько злословия.

Леди Кэролайн. Вчера за обедом лорд Иллингворт говорил, что в основе каждой сплетни лежит хорошо проверенная безнравственность.

Келвиль. Лорд Иллингворт, конечно, весьма выдающаяся личность, но, мне кажется, ему недостает этой прекрасной веры в чистоту и благородство жизни, что так много значит в наш век.

Леди Статфилд. Да, очень, очень много значит, не правда ли?

Келвиль. У меня создалось впечатление, что он неспособен оценить всю прелесть

английской семейной жизни. Я бы сказал, что он заражен чужеземными взглядами на этот счет.

Леди Статфилд. Нет ничего лучше семейной жизни, ведь правда, правда?

Келвиль. На ней зиждется английская мораль, леди Статфилд. Без нее мы уподобились бы нашим соседям.

Леди Статфилд. А это было бы очень печально, не правда ли?

Келвиль. Боюсь, кроме того, что лорд Иллингворт видит в женщине просто игрушку. Ну, а я лично никогда не смотрел на женщину как на игрушку. Женщина - это мыслящая подруга мужчины, его помощница, как в общественной, так и в частной жизни. Без нее мы забыли бы истинные идеалы. (Садится рядом с леди Статфилд.)

Леди Статфилд. Я очень, очень рада слышать это от вас.

Леди Кэролайн. Вы женаты, мистер Кеттль?

Сэр Джон. Келвиль, дорогая, Келвиль.

Келвиль. Я женат, леди Кэролайн.

Леди Кэролайн. И дети есть?

Келвиль. Да.

Леди Кэролайн. Сколько?

Келвиль. Восемь.

Леди Статфилд переносит свое внимание на лорда Альфреда.

Леди Кэролайн. Вероятно, миссис Кеттль с детьми отдыхает на взморье?

Сэр Джон пожимает плечами.

Келвиль. Моя жена сейчас на взморье вместе с детьми, леди Кэролайн.

Леди Кэролайн. Вы, конечно, поедете к ним несколько позже?

Келвиль. Если позволят мои общественные обязанности.

Леди Кэролайн. Ваша общественная деятельность, должно быть, доставляет много радости миссис Кеттль?

Сэр Джон. Келвиль, дорогая, Келвиль.

Леди Статфилд (лорду Альфреду). Какая прелесть эти ваши папиросы с золотым ободком, лорд Альфред; это очень, очень мило.

Лорд Альфред. Они ужасно дороги. Я курю их только тогда, когда я по уши в долгу.

Леди Статфилд. Наверно, это очень, очень печально - быть в долгу?

Лорд Альфред. По нынешним временам надо иметь какое-нибудь занятие. А если бы у меня не было долгов, то мне решительно не о чем было бы думать. Решительно все, кого я только знаю, все мои приятели, тоже в долгу.

Леди Статфилд. Но ведь те люди, которым вы должны, верно, доставляют вам очень, очень много беспокойства?

Входит лакей.

Лорд Альфред. О нет, ведь это они пишут, а не я.

Леди Статфилд. Это очень, очень странно.

Леди Ханстентон. А, вот и письмо, Кэролайн, от нашей милой миссис Арбетнот. Она не будет к обеду. Очень жаль. Зато она придет вечером. Я, право, очень рада. Это такая милая Женщина. И почерк у нее прекрасный, такой крупный, такой твердый. (Передает письмо леди Кэролайн).

Леди Кэролайн (глядя на письмо). Немножко не хватает женственности, Джейн. Женственность - это качество, которым я больше всего восхищаюсь в женщинах.

Леди Ханстентон (берет у нее письмо и кладет его на стол). Ах, она очень

женственная, Кэролайн, и такая добрая к тому же. Послушали бы вы, что о ней говорит архидиакон. Он считает ее своей правой рукой в приходе.

Лакей что-то говорит ей.

В желтой гостиной. Не пора ли нам? Леди Статфилд, не хотите ли вы чаю?

Леди Статфилд. С удовольствием, леди Ханстентон.

Встают, собираясь уходить. Сэр Джон берет накидку леди Статфилд.

Леди Кэролайн. Джон! Если б ты передал своему племяннику плащ леди Статфилд, то мог бы взять у меня рабочую корзинку.

Входят лорд Иллингворт и миссис Оллонби.

Сэр Джон. Конечно, дорогая.

Уходят.

Миссис Оллонби. Любопытно, что некрасивые женщины всегда ревнуют своих мужей, а красивые - никогда.

Лорд Иллингворт. Красивым женщинам некогда. Они всегда так заняты - ревнуют чужих мужей.

Миссис Оллонби. Казалось бы, за столько лет леди Кэролайн должны были надоест супружеские тревоги. Ведь сэр Джон у нее четвертый!

Лорд Иллингворт. Конечно, не следовало бы так часто выходить замуж. Двадцать лет любви делают из женщины развалину; зато двадцать лет брака превращают ее в нечто подобное общественному зданию.

Миссис Оллонби. Двадцать лет любви! Разве это возможно?

Лорд Иллингворт. Только не в наше время. Женщины стали слишком остроумны. Ничто так не вредит роману, как чувство юмора в женщине.

Миссис Оллонби. Или недостаток его в мужчине.

Лорд Иллингворт. Вы совершенно правы. В храме все должны быть серьезны, кроме того, кому поклоняются.

Миссис Оллонби. И это должен быть мужчина?

Лорд Иллингворт. Женщины преклоняют колена так грациозно, а мужчины - нет.

Миссис Оллонби. Вы имеете в виду леди Статфилд?

Лорд Иллингворт. Уверяю вас, я вот уже четверть часа не думаю о леди Статфилд.

Миссис Оллонби. Разве она такая загадка?

Лорд Иллингворт. Больше чем загадка - она настроение.

Миссис Оллонби. Настроения длятся недолго.

Лорд Иллингворт. В этом их главное очарование.

Входят Эстер и Джеральд.

Джеральд. Лорд Иллингворт, все меня поздравляют, леди Ханстентон и леди Кэролайн, и... все. Надеюсь, из меня выйдет хороший секретарь.

Лорд Иллингворт. Вы будете образцовым секретарем, Джеральд. (Разговаривает с ним.)

Миссис Оллонби. Вам нравится жить в поместье, мисс Уэрсли?

Эстер. Очень нравится.

Миссис Оллонби. А вы не тоскуете о лондонских обедах?

Эстер. Я ненавижу лондонские обеды.

Миссис Оллонби. А я их обожаю. Умные люди никогда не слушают, а глупые - всегда молчат.

Эстер. Мне кажется, что глупые люди очень много разговаривают.

Миссис Оллонби. Ах, я никогда не слушаю!

Лорд Иллингворт. Мой милый, если б вы мне не понравились, я бы не предложил вам это место. Именно потому, что вы мне так нравитесь, я и хочу, чтобы вы были всегда со мной.

Эстер уходит с Джеральдом.

Чудесный юноша этот Джеральд Арбетнот!

Миссис Оллонби. Он очень мил, право, очень мил. Но эту американскую девицу я просто не выношу.

Лорд Иллингворт. Почему?

Миссис Оллонби. Она сказала мне вчера, да еще так громко, что ей всего только восемнадцать лет. Это было очень неприятно.

Лорд Иллингворт. Никогда нельзя верить женщине, которая не скрывает своих лет. Женщина, которая говорит, сколько ей лет, может рассказать все что угодно.

Миссис Оллонби. Кроме того, она пуританка.

Лорд Иллингворт. А вот это уже непростительно. Пускай бы еще некрасивые женщины были пуританками. Это их единственное оправдание. Но она-то положительно хорошенькая. Я ею безмерно восхищаюсь. (Смотрит пристально на миссис Оллонби.)

Миссис Оллонби. Какой вы, должно быть, насквозь испорченный человек!

Лорд Иллингворт. Кого вы считаете испорченным?

Миссис Оллонби. Тех мужчин, которые восхищаются невинностью.

Лорд Иллингворт. А испорченными женщинами?

Миссис Оллонби. О, тех женщин, которые никогда не надоедают мужчинам.

Лорд Иллингворт. Вы очень строги к самой себе.

Миссис Оллонби. Дайте нам определение.

Лорд Иллингворт. Сфинксы без загадки.

Миссис Оллонби. Это относится и к пуританкам?

Лорд Иллингворт. Знаете ли, я не верю в существование пуританок. Не думаю, чтобы на свете нашлась хоть одна женщина, которая не была бы польщена, когда за ней ухаживают. Вот это и делает женщин такими неотразимо соблазнительными.

Миссис Оллонби. Вы думаете, нет такой женщины на свете, которая не позволила бы поцеловать себя?

Лорд Иллингворт. Очень мало.

Миссис Оллонби. Мисс Уэрсли не позволит.

Лорд Иллингворт. Вы в этом уверены?

Миссис Оллонби. Вполне.

Лорд Иллингворт. Как вы думаете, что она сделает, если я ее поцелую?

Миссис Оллонби. Заставит вас жениться на ней или даст пощечину. А что бы вы сделали, если бы она ударила вас по щеке перчаткой?

Лорд Иллингворт. Вероятно, влюбился бы в нее.

Миссис Оллонби. Тогда это к лучшему, что вы ее не поцелуете.

Лорд Иллингворт. Это вызов?

Миссис Оллонби. Стрела, пущенная в воздух.

Лорд Иллингворт. А знаете ли, мне всегда удается все, что бы я ни задумал.

Миссис Оллонби. Очень жаль это слышать. Мы, женщины, обожаем неудачников. Мы их опора.

Лорд Иллингворт. Вы поклоняетесь победителям. Вы льнете к ним.

Миссис Оллонби. Мы - лавровые венки, прикрывающие их лысину.

Лорд Иллингворт. А вы им нужны постоянно, кроме минуты торжества.

Миссис Оллонби. В эту минуту они неинтересны.
Лорд Иллингворт. Вы соблазнительница!

Пауза.

Миссис Оллонби. Лорд Иллингворт, в вас есть одно, что мне всегда будет нравиться.
Лорд Иллингворт. Только одно? А у меня так много недостатков.

Миссис Оллонби. Ах, не слишком чваньтесь ими. Вы можете все это утратить, когда состаритесь.

Лорд Иллингворт. Я вовсе не намерен стариться. Душа рождается старой, но становится все моложе. В этом комедия жизни.

Миссис Оллонби. А тело рождается молодым, но становится старым. В этом трагедия жизни.

Лорд Иллингворт. А иногда и комедия. Но по какой это загадочной причине я всегда буду вам нравиться?

Миссис Оллонби. Потому что вы за мной никогда не ухаживали.

Лорд Иллингворт. Я никогда ничего другого не делал.

Миссис Оллонби. Право? Я не заметила.

Лорд Иллингворт. Какое счастье! Для нас обоих это могло бы стать трагедией.

Миссис Оллонби. Вместе мы бы ее пережили.

Лорд Иллингворт. Нынче все можно пережить, кроме смерти, и все можно перенести, кроме хорошей репутации.

Миссис Оллонби. А вы знаете, что такое хорошая репутация?

Лорд Иллингворт. Это одна из многих неприятностей, которых мне не пришлось испытать.

Миссис Оллонби. Может быть, еще придется.

Лорд Иллингворт. Почему вы мне грозите?

Миссис Оллонби. Я вам скажу, когда вы поцелуете эту пуританку.

Входит лакей.

Лакей. Чай подан в желтой гостиной, милорд.

Лорд Иллингворт. Скажите леди Ханстенон, что мы сейчас придем.

Лакей. Слушаюсь, милорд.

Лорд Иллингворт. Не пойти ли нам пить чай?

Миссис Оллонби. А вы любите такие простые удовольствия?

Лорд Иллингворт. Обожаю простые удовольствия. Это последнее прибежище сложных натур. Но если хотите, останемся здесь. Да, останемся. Книга Жизни начинается с мужчины и женщины в саду.

Миссис Оллонби. А кончается Откровением.

Лорд Иллингворт. Вы божественно фехтуете. Но с вашей рапиры соскочил наконечник.

Миссис Оллонби. Зато маска еще на мне.

Лорд Иллингворт. От этого ваши глаза только сильнее блестят.

Миссис Оллонби. Благодарю вас. Идемте.

Лорд Иллингворт (замечает письмо миссис Арбетнот на столе, берет его и смотрит на конверт). Какой любопытный почерк! Он напоминает мне почерк женщины, которую я знал много лет назад.

Миссис Оллонби. Кто это такая?

Лорд Иллингворт. О, никто. Не важно кто. Женщина, не стоящая внимания. (Бросает письмо на стол и вместе с миссис Оллонби поднимается по ступеням террасы. Они улыбаются друг другу.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная леди Ханстентон после обеда; лампы зажжены.
Дамы сидят на диванах.

Миссис Оллонби. Какое облегчение избавиться от мужчин хоть ненадолго!

Леди Статфилд. Да, мужчины нас так преследуют, правда?

Миссис Оллонби. Преследуют? Хотелось бы мне, чтоб они нас преследовали.

Леди Ханстентон. Дорогая моя!

Миссис Оллонби. Досадно, что эти негодные могут быть совершенно счастливы и без нас. Вот почему, мне кажется, долг каждой женщины не оставлять их ни на минуту, кроме вот этой короткой передышки после обеда; без нее мы, бедные женщины, иссохли бы и превратились в тени.

Слуги вносят кофе.

Леди Ханстентон. Превратились бы в тени, дорогая?

Миссис Оллонби. Да, леди Ханстентон. Это так утомительно - держать мужчин в руках. Они всегда стараются ускользнуть от нас.

Леди Статфилд. Мне кажется, это мы всегда стараемся ускользнуть от них. Мужчины очень, очень бессердечны. Они знают свою силу и пользуются ею.

Леди Кэралайн. Все это вздор и чепуха - насчет мужчин. Надо только, чтобы мужчина знал свое место.

Миссис Оллонби. А где же его место, леди Кэралайн?

Леди Кэралайн. Возле жены, миссис Оллонби.

Миссис Оллонби (берет у лакея кофе). Вот как?.. А если он не женат?

Леди Кэралайн. Если он не женат, так должен искать себе жену. Это просто позор, сколько холостяков встречаешь нынче в обществе. Надо бы провести такой закон, чтобы заставить их всех жениться в течение года.

Леди Статфилд (отказывается от кофе). Но если он влюблен в женщину, которая, может быть, принадлежит другому?

Леди Кэралайн. В таком случае, леди Статфилд, его надо в одну неделю женить на какой-нибудь некрасивой и порядочной девушке, чтобы не покушался на чужую собственность.

Миссис Оллонби. Не знаю, можно ли вообще говорить о нас как о чужой собственности. Все мужчины - собственность замужних женщин. Это единственно верное определение того, что такое собственность замужних женщин. Мы же не принадлежим никому.

Леди Статфилд. О, я очень, очень рада слышать это от вас.

Леди Ханстентон. Но вы в самом деле думаете, Кэралайн, что законодательным путем можно как-то исправить положение? Говорят, что нынче все женатые живут как холостяки, а все холостяки - как женатые.

Миссис Оллонби. Я, право, никогда не могу отличить женатого от холостого.

Леди Статфилд. Я думаю, сразу можно узнать, есть у человека семейные обязанности или нет. Я не раз замечала такое грустное, грустное выражение в глазах женатых мужчин.

Миссис Оллонби. Ах, все, что я могла заметить, - это то, что мужчины ужасно скучны, если они хорошие мужья, и отвратительно тщеславны, если плохие.

Леди Ханстентон. Ну что ж, надо полагать, мужья нынче совсем не то, что во времена моей молодости, но я должна сказать, что мой бедный Ханстентон был самый прелестный человек и по характеру чистое золото.

Миссис Оллонби. Ах, мой муж нечто вроде векселя, мне надоело по "ему" платить.

Леди Кэралайн. Но вы возобновляете этот вексель время от времени?

Миссис Оллонби. О нет, леди Кэралайн. У меня был всего-навсего один муж. Должно быть, вы на меня смотрите как на дилетантку?

Леди Кэралайн. С вашими взглядами на жизнь удивительно, как вы вообще вышли замуж.

Миссис Оллонби. Мне тоже это удивительно.

Леди Ханстентон. Милое дитя, вы, верно, очень счастливы в семейной жизни, но хотите скрыть ваше счастье от других.

Миссис Оллонби. Уверяю вас, я ужасно обманулась в Эрнесте.

Леди Ханстентон. Надеюсь, что нет, милая. Его мать была урожденная Страттон, Кэралайн, одна из дочерей лорда Кроуленда.

Леди Кэралайн. Виктория Страттон? Отлично ее помню. Глупенькая блондинка без подбородка.

Миссис Оллонби. Ах, у Эрнеста есть подбородок. У него очень энергичный подбородок, квадратный подбородок. Даже слишком квадратный.

Леди Статфилд. А вы в самом деле думаете, что подбородок у мужчины может быть слишком квадратным? Я думаю, что мужчина должен выглядеть очень, очень сильным, и подбородок у него должен быть совершенно, совершенно квадратным.

Миссис Оллонби. Тогда вам надо бы познакомиться с Эрнестом, леди Статфилд. Но только следует предупредить вас, что разговаривать он не мастер.

Леди Статфилд. Я обожаю молчаливых мужчин.

Миссис Оллонби. О, Эрнест не из молчаливых. Он все время говорит. Но разговаривать не умеет. О чем он говорит - не знаю. Я уже много лет его не слушаю.

Леди Статфилд. Вы так его и не простили? Как это печально! Но ведь вся жизнь очень, очень печальна, не правда ли?

Миссис Оллонби. Жизнь, леди Статфилд, есть просто un mauvais quart d'heure {Неприятные четверть часа. (Франц.)}, составленное из мгновений счастья.

Леди Статфилд. Да, бывают такие мгновения. Но разве мистер Оллонби сделал что-нибудь очень, очень дурное? Рассердился на вас и сказал что-нибудь нелюбезное или чистую правду?

Миссис Оллонби. О боже мой, нет! Эрнест всегда неизменно спокоен. Это одна из причин, почему он мне действует на нервы. Ничто так не раздражает, как спокойствие. Есть что-то положительно скотское в спокойном характере современных мужчин. Удивляюсь, как мы, женщины, ухитряемся это терпеть.

Леди Статфилд. Да, хороший характер у мужчин доказывает, что они грубее нас, не так чувствительны. Это нередко создает барьер между мужем и женой, не так ли? Но мне все же очень хотелось бы знать, что такого сделал мистер Оллонби?

Миссис Оллонби. Ну что же, я вам скажу, если вы дадите торжественное обещание рассказывать об этом всем и каждому.

Леди Статфилд. Благодарю вас, благодарю. Я непременно постараюсь.

Миссис Оллонби. Когда мы с Эрнестом обручились, он поклялся мне на коленях, что никогда в жизни не любил никого другого. В то время я была еще очень молода, и нечего вам даже говорить - не поверила ему. К несчастью, я не стала никого расспрашивать об этом, пока не прошло месяцев пять после свадьбы. И вот тогда-то я узнала, что он сказал мне чистую правду. А после такого признания мужчина делается совершенно неинтересен.

Леди Ханстенон. Дорогая моя!

Миссис Оллонби. Мужчина всегда хочет быть первой любовью женщины. Такое у них нелепое тщеславие. Мы, женщины, более чутки в таких вещах. Нам хотелось бы стать последней любовью мужчины.

Леди Статфилд. Понимаю, что вы хотите сказать. Это очень, очень красиво.

Леди Ханстенон. Милое дитя, неужели вы хотите сказать, что не можете простить мужа за то, что он не любил никого, кроме вас? Слышали вы что-нибудь подобное, Кэралайн? Я вне себя от изумления.

Леди Кэралайн. О, женщины стали такие образованные, Джейн, что нас теперь ничто не удивит, кроме счастливых браков. По-видимому, это в наше время большая редкость.

Миссис Оллонби. Они совершенно устарели.

Леди Статфилд. Везде, кроме разве средних классов, сколько я слышала.

Миссис Оллонби. Как это на них похоже!

Леди Статфилд. Да, не правда ли? Очень, очень похоже.

Леди Кэралайн. Если правда то, что вы говорите о средней буржуазии, леди Статфилд, это делает ей честь. Следует пожалеть, что в нашем кругу жены всегда ведут себя легкомысленно, вообразив, как видно, что так и надо. Мне кажется, именно поэтому в обществе столько несчастных браков, как всем нам известно.

Миссис Оллонби. А знаете, леди Кэралайн, по-моему, легкомыслие жен тут совершенно ни при чем. Семья распадается гораздо чаще от здравого смысла мужа, чем от чего-нибудь другого. Как может женщина быть счастливой с человеком, который упорно желает видеть в ней вполне разумное существо?

Леди Ханстенон. Дорогая моя!

Миссис Оллонби. Мужчина, беденький, неловкий, основательный и надежный мужчина принадлежит к тому полу, который уже целые миллионы лет был разумен. Он ничего с собой поделывать не может. Это у него в крови. А история женщины совершенно иная. Мы всегда были живописным протестом против самого существования здравого смысла. Мы заметили его опасность с самого начала.

Леди Статфилд. Да, конечно, здравый смысл мужей очень утомителен. Скажите мне, как вы представляете себе идеального мужа? Мне кажется, это было бы очень, очень полезно послушать.

Миссис Оллонби. Идеального мужа? Таких вообще не бывает. Самое понятие ложно.

Леди Статфилд. Ну, тогда идеального мужчину в его отношениях к нам.

Леди Кэралайн. Он, верно, должен быть крайне реалистичен.

Миссис Оллонби. Идеальный мужчина? Идеальный мужчина должен говорить с нами как с богинями, а обращаться с нами - как с детьми. Он должен отказывать нам во всех серьезных просьбах и потакать всем нашим капризам. Потворствовать всем нашим прихотям и запрещать нам иметь призвание. Он должен всегда говорить не то, что думает, и думать не то, что говорит.

Леди Ханстенон. Но, дорогая, как же он может делать и то и другое сразу?

Миссис Оллонби. Он не должен пренебрегать другими хорошенькими женщинами. Это доказало бы, что у него нет вкуса, или вызвало бы подозрение, что вкуса у него слишком много. Нет, он должен быть мил со всеми женщинами, но говорить, что они почему-то его не привлекают.

Леди Статфилд. Да, это всегда очень, очень приятно слышать о других женщинах.

Миссис Оллонби. Когда мы его спросим о чем-нибудь, в ответ он должен говорить нам только о нас самих. Он должен неизменно превозносить нас за те качества, которых у нас нет. Зато он должен быть беспощаден, совершенно беспощаден, порицая нас за такие добродетели, которые нам и не снились. Он не должен верить, что нам нужно хоть что-нибудь полезное. Это было бы непростительно. Зато он должен осыпать нас всем тем, что нам вовсе не нужно.

Леди Кэралайн. Насколько я понимаю, ему остается только одно: осыпать нас

подарками и комплиментами.

Миссис Оллонби. Он должен постоянно компрометировать нас в обществе и быть совершенно почтительным наедине. И все-таки он должен быть всегда готов вытерпеть самую ужасную сцену, если нам захочется ее устроить, мгновенно стать несчастным, совершенно несчастным, и через какие-нибудь двадцать минут осыпать нас справедливыми упреками, а через полчаса положительно разъяриться и покинуть нас навеки без четверти восемь, когда нам нужно переодеться к обеду. А после того как женщина рассталась с ним навсегда и он отказался взять обратно те пустяки, которые когда-то ей подарил, и пообещал никогда с ней больше не видаться и не писать ей безрассудных писем - он должен чувствовать, что сердце его совершенно разбито, и целый день посылать ей телеграммы и записочки со своим кучером каждые полчаса, и обедать в клубе в полном одиночестве, чтобы все видели, как он несчастен. И вот, после целой ужасной недели, в течение которой она всегда выезжает вместе со своим мужем, для того только, чтобы показать, как он одинок, можно назначить ему третье, последнее свидание, вечером, и тогда, если его поведение было совершенно безупречным, а она действительно была с ним жестока, можно позволить ему сознаться, что он был совершенно неправ; когда же он в этом сознается, долг женщины - простить ему, а после того она может начинать все сначала, с разными вариациями.

Леди Ханстентон. Какая вы умница, дорогая моя! Вы ничего этого не думаете, ни единого слова!

Леди Статфилд. Благодарю вас, благодарю. Это очень, очень увлекательно. Надо постараться все это запомнить. Тут столько очень, очень важных подробностей.

Леди Кэрлайн. Но вы не сказали мне, какую же награду получит идеальный мужчина?

Миссис Оллонби. Какую награду? О, возможность бесконечно надеяться. Этого ему вполне достаточно.

Леди Статфилд. Но ведь мужчины так ужасно требовательны, не правда ли?

Миссис Оллонби. Это ничего не значит. Женщина все-таки не должна уступать.

Леди Статфилд. Даже идеальному мужчине?

Миссис Оллонби. Разумеется, только не ему. Если, конечно, она не хочет, чтобы он ей надоел.

Леди Статфилд. Ах!.. да. Понимаю. Это очень, очень важно. Как вы думаете, миссис Оллонби, встречу я когда-нибудь идеального мужчину? Или он не один такой на свете?

Миссис Оллонби. В Лондоне их ровно четыре, леди Статфилд.

Леди Ханстентон. О, моя дорогая!

Миссис Оллонби (подходит к ней). Что случилось? Скажите мне.

Леди Ханстентон (тихим голосом). Я совсем забыла, что эта американочка все время сидела тут же в комнате. Боюсь, кое-что из этого остроумного разговора могло ее шокировать.

Миссис Оллонби. Ах, это будет ей очень полезно.

Леди Ханстентон. Надеюсь, она многого не поняла. Мне, пожалуй, надо бы пойти поговорить с ней. (Встает и подходит к Эстер.) Ну, милая моя мисс Уэрсли. (Садится рядом.) Вы так тихонько сидели все это время в вашем уютном уголке! Должно быть, читали? Здесь в библиотеке столько книг.

Эстер. Нет, я слушала ваш разговор.

Леди Ханстентон. Знаете, дорогая, не следует верить всему тому, что здесь говорилось.

Эстер. Я и не поверила ни единому слову.

Леди Ханстентон. Так и надо, милая.

Эстер. Я не могла поверить, чтобы женщины действительно смотрели на жизнь так, как об этом рассказывали сегодня ваши гости.

Неловкая пауза.

Леди Ханстентон. Говорят, у вас, в Америке, такое приятное общество. Кое-где совсем похоже на наше, судя по письмам моего сына.

Эстер. У нас в Америке, как и везде, тоже есть свои кружки, леди Ханстентон. Но настоящее общество состоит из всех хороших женщин и мужчин, из всех хороших людей, какие только есть в нашей стране.

Леди Ханстентон. Какая разумная система и, я думаю, очень приятная к тому же. Боюсь, у нас, в Англии, слишком много искусственных социальных перегородок. Мы почти не видим средних и низших классов общества.

Эстер. У нас в Америке нет низших классов.

Леди Ханстентон. В самом деле? Какое странное общественное устройство!

Миссис Оллонби. О чем говорит эта ужасная девочка?

Леди Статфилд. Она так утомительно естественна, правда?

Леди Кэролайн. Говорят, у вас в Америке нет очень многого, мисс Уэрсли. Говорят, у вас совсем нет развалин, нет редкостей.

Миссис Оллонби (к леди Статфилд). Какой вздор! У них есть их матери, есть их манеры.

Эстер. Английская аристократия поставляет нам редкости, леди Кэролайн. Их высылают к нам каждое лето пароходом, и на другой день после приезда они предлагают нам руку и сердце. Что касается развалин, мы стремимся построить нечто более долговечное, чем кирпичи и камни. (Встает, чтобы взять со стола свой веер.)

Леди Ханстентон. Что же это такое, милая? Ах да, эту вашу железную Выставку в городке с таким смешным названием, не правда ли?

Эстер (стоя у стола). Мы хотим построить жизнь, леди Ханстентон, на лучших, более чистых и справедливых основаниях, чем те, на каких она построена здесь. Без сомнения, всем вам это покажется странно. Да и не может не показаться странным. Вы, богатые англичане, сами не понимаете, как вы живете. Да и как вам понять? Вы изгоняете из вашего общества все доброе и хорошее. Вы смеетесь над всем простым и чистым. Живя, как вы все, на чужой счет, эксплуатируя людей, вы издеваетесь над самопожертвованием, а если и бросаете беднякам кусок хлеба, то только для того, чтобы усмирить их на время. Со всей вашей роскошью, богатством и художеством вы не умеете жить - даже этого не умеете. Вам нравится красота, которой можно любоваться, которую можно трогать и вертеть, та красота, которую вы в силах уничтожить и уничтожаете, но о незримой красоте жизни, о незримой красоте высшей жизни вы не имеете понятия. Ваше английское общество кажется мне мелким, эгоистичным, неразумным. Оно не видит и не слышит. Оно возлежит как прокаженный в пурпуре. Оно недвижимо, словно гроб повапленный. В нем все ложно, все ложно.

Леди Статфилд. Об этом, я думаю, и знать не следует. Это ведь очень, очень неприлично, не правда ли?

Леди Ханстентон. Милая моя мисс Уэрсли! А я-то думала, что вам очень нравится английское общество. Вы имели у нас такой успех. Вами так восхищались самые первые люди. Не припомню, что сказал про вас лорд Генри Уэстон, - но что-то очень лестное, а вы знаете, какой он ценитель красоты.

Эстер. Лорд Генри Уэстон! Я его помню, леди Ханстентон! Человек с отвратительной улыбкой и отвратительным прошлым. Его везде приглашают. Ни один обед без него не обходится. А где те, кого он погубил? Они - парии. Даже имени их не называют. Вы отвернетесь, если встретите их на улице. Я не жалею о том, что они наказаны. Пусть будут наказаны все женщины, которые грешили.

Миссис Арбетнот входит с террасы в накидке, с кружевной вуалью на голове. Услышав последние слова, она вздрагивает.

Леди Ханстентон. Дорогая моя мисс Уэрсли!

Эстер. Это справедливо, чтоб они несли кару, но пусть же страдают не они одни. Если мужчина и женщина согрешили, пусть удаляются в пустыню и там любят или ненавидят друг друга. Надо заклеить и того и другого. Если хотите, отметьте клеймом обоих, но нельзя же карать одну, оставив другому свободу. Нельзя, чтоб был один закон для мужчин, а другой для женщин. У вас в Англии несправедливы к женщинам. И пока вы не признаете, что позор для женщины есть бесчестье и для мужчины, вы всегда будете несправедливы, и Добро - этот огненный столп, и Зло - этот облачный столп, будут вам видны очень смутно, или совсем не видны, а если и будут видны, вы не станете на них смотреть.

Леди Кэролайн. Нельзя ли попросить вас, милая мисс Уэрсли, раз вы все равно стоите, передать мне мой клубок: он как раз за вашей спиной? Благодарю вас.

Леди Ханстентон. Миссис Арбетнот, дорогая моя! Я так рада, что вы пришли. Но я не слышала, как о вас доложили.

Миссис Арбетнот. О, я вошла прямо с террасы, не снимая накидки. Вы мне не писали, что у вас званый вечер.

Леди Ханстентон. Какой же вечер? Так, несколько человек, которые гостят у нас; я вас с ними познакомлю. Позвольте мне. (Хочет помочь ей. Потом звонит.) Кэролайн, это миссис Арбетнот, мой лучший друг. Леди Кэролайн Понтефракт, леди Статфилд, миссис Оллонби и мой юный друг из Америки, мисс Эстер Уэрсли, которая только что рассказывала нам, какие мы все испорченные.

Эстер. Боюсь, леди Ханстентон, вам показалось, что я говорила слишком резко. Но в Англии много такого...

Леди Ханстентон. Милая девочка, я думаю, в том, что вы говорили, немало правды, и вы были такая хорошенькая в эту минуту, что гораздо важнее, как сказал бы лорд Иллингворт. В одном только вы были слишком уж строги, как мне подумалось, - это по отношению к брату леди Кэролайн, бедному лорду Генри. Право, он такой интересный собеседник.

Входит лакей.

Возьмите вещи миссис Арбетнот.

Лакей уходит с вещами.

Эстер. Леди Кэролайн, я понятия не имела, что это ваш брат. Мне очень жаль, что я вас огорчила... я...

Леди Кэролайн. Милая мисс Уэрсли, единственное место в вашем маленьком спиче, если можно так выразиться, с которым я вполне согласна, это то, что вы говорили о моем брате. Что бы вы о нем ни сказали, все это будет слишком мягко для него. Я считаю Генри бесчестным, совершенно бесчестным. Но я должна сознаться, как и вы это заметили, Джейн, что он - интересный собеседник, что повар у него - лучший в Лондоне, а после хорошего обеда всякому простишь, даже родному брату.

Леди Ханстентон (к мисс Уэрсли). А теперь, дорогая, подойдите и познакомьтесь с миссис Арбетнот. Она одна из тех добрых, хороших, простых людей, которых мы, по вашему мнению, никогда не допускаем в общество. Мне очень жаль, что миссис Арбетнот так редко ко мне приходит. Но я тут ничего не могу поделать.

Миссис Оллонби. Как досадно, что мужчины так засиживаются в столовой после обеда! Должно быть, говорят про нас бог знает что.

Леди Статфилд. Вы в самом деле так думаете?

Миссис Оллонби. Уверена в этом.

Леди Статфилд. Это очень, очень гадко с их стороны! Не перейти ли нам на террасу?

Миссис Оллонби. О, куда угодно, лишь бы подальше от этих вдов, от этих нерях. (Встает и вместе с леди Статфилд идет к двери.) Мы только пойдем посмотрим на звезды, леди Ханстенон.

Леди Ханстенон. Сейчас их очень много, дорогая моя, очень много. Не простудитесь только. (К миссис Арбетнот.) Нам будет очень недоставать Джеральда, миссис Арбетнот.

Миссис Арбетнот. Но разве лорд Иллингворт действительно предложил Джеральду быть его секретарем?

Леди Ханстенон. О да! Он был так мил, так любезен. Он самого высокого мнения о вашем сыне. Вы, кажется, незнакомы с лордом Иллингвортом, дорогая.

Миссис Арбетнот. Я никогда с ним не встречалась.

Леди Ханстенон. Но вы, конечно, знаете его по имени?

Миссис Арбетнот. Кажется, нет. Я живу так замкнуто, почти никого не вижу. Помню, много лет назад я слышала о старом лорде Иллингворте, который жил, кажется, в Йоркшире.

Леди Ханстенон. Ах, да. Это был предпоследний граф. Очень любопытный человек. Он хотел жениться на женщине из низов. Или, напротив, не хотел. Об этом много говорили. Нынешний лорд Иллингворт совсем другой. Большой аристократ. Он занимается... Впрочем, он ничем особенно не занят, что так не нравится нашей хорошенькой американской гостье; не знаю даже, интересуется ли он тем, что так занимает вас, миссис Арбетнот. Как вы думаете, Кэролайн, интересуется ли лорд Иллингворт убежищами для бедных?

Леди Кэролайн. Думаю, что ничуть не интересуется, Джейн.

Леди Ханстенон. У всех нас разные вкусы, не правда ли? Но лорд Иллингворт занимает очень высокое положение и может добиться всего, чего только захочет. Конечно, он еще сравнительно молодой человек и не так давно унаследовал свои титулы - с каких пор он лорд Иллингворт, Кэролайн?

Леди Кэролайн. Да я думаю, уже года четыре, Джейн. Я помню, он получил титул в тот самый год, когда моего брата разоблачили в газетах.

Леди Ханстенон. Ах да, припоминаю. Это будет как раз около четырех лет. Ну, вы понимаете, миссис Арбетнот, между лордом Иллингвортом и титулом стояло много людей. Там был, например... кто же такой, Кэролайн?

Леди Кэролайн. Сын бедняжки Маргарет. Вы помните, как ей хотелось иметь сына, и у нее родился мальчик, но он умер, а после него умер и ее муж, и она как-то очень скоро вышла за одного из сыновей лорда Аскота, и, говорят, он ее колотит.

Леди Ханстенон. Ах, дорогая, это у них семейное. А еще был один пастор, который выдавал себя за сумасшедшего, или сумасшедший, который выдавал себя за пастора, - точно не помню, но знаю, что дело разбирал Канцлерский суд и вынес решение, что он в своем уме. Потом я его видела у бедного лорда Пламстеда с сеном в волосах или еще с чем-то таким странным. Уж не помню с чем. Я часто жалею, Кэролайн, что милая леди Сесилия не дожила до того дня, когда ее сын стал лордом.

Миссис Арбетнот. Леди Сесилия?

Леди Ханстенон. Матушка лорда Иллингворта, милая миссис Арбетнот, была одна из хороших дочек герцогини Джернингэм: она вышла за сэра Томаса Харфорда, и в то время не считали, что это хорошая партия для нее, хотя он был первым красавцем во всем Лондоне. Я близко знала всю семью, и обоих сыновей тоже: и Артура и Джорджа.

Миссис Арбетнот. Титул унаследовал, конечно, старший сын, леди Ханстенон?

Леди Ханстенон. Нет, милая, он был убит на охоте... Или на рыбной ловле, Кэролайн? Забыла. Но все наследство досталось Джорджу. Я всегда говорю, что ни одному младшему сыну так не повезло, как ему.

Миссис Арбетнот. Леди Ханстенон, мне нужно сейчас же переговорить с Джеральдом. Могу я его видеть? Можно за ним послать?

Леди Ханстенон. Конечно, дорогая. Он в столовой. Я сейчас пошлю за ним. Не знаю,

что это мужчины сегодня так засиделись. (Звонит в колокольчик.) Когда я знала лорда Иллингворта еще нетитулованным Джорджем Харфордом, это был просто блестящий светский юноша, и у него никогда не было своих денег, кроме того, что давала ему бедняжка леди Сесилия. Она его очень любила. Больше из-за того, я думаю, что он очень не ладил с отцом. А вот и наш милый архидиакон. (Слуге.) Нет, не нужно.

Входят сэр Джон и доктор Добени. Сэр Джон подходит, к леди Статфилд, доктор Добени к леди Ханстентон.

Доктор Добени. Лорд Иллингворт был сегодня очень интересен. Я никогда еще не проводил время так приятно. (Видит миссис Арбетнот.) А! миссис Арбетнот!

Леди Ханстентон (доктору Добени). Видите, наконец-то я уговорила миссис Арбетнот приехать ко мне.

Доктор Добени. Это большая честь, леди Ханстентон: миссис Добени позавидует вам.

Леди Ханстентон. Ах, как жаль, что миссис Добени не могла приехать с щами. Головная боль, как и всегда, я думаю?

Доктор Добени. Да, леди Ханстентон, она сущая мученица. Но ей всего лучше, когда она остается в одиночестве. Всего лучше в одиночестве.

Леди Кэролайн (мужу). Джон!

Сэр Джон подходит к ней. Доктор Добени разговаривает с леди Ханстентон и миссис Арбетнот. Миссис Арбетнот все время следит за лордом Иллингвортом. Не заметив ее, он переходит комнату, направляясь к миссис Оллонби, которая вместе с леди Статфилд смотрит на террасу, стоя возле дверей.

Лорд Иллингворт. Как чувствует себя самая очаровательная женщина на свете?

Миссис Оллонби (беря за руку леди Статфилд). Мы обе чувствуем себя прекрасно. Благодарю вас, лорд Иллингворт. Что же вы так недолго побыли в столовой? Мы, кажется, только что оттуда ушли.

Лорд Иллингворт. Скука была смертная. Я все время молчал. Только и думал, как бы поскорее вернуться к вам.

Миссис Оллонби. А стоило бы. Американка читала нам лекцию.

Лорд Иллингворт. В самом деле? Мне кажется, все американцы любят читать лекции. Должно быть, у них климат как-то располагает к этому. О чем же была лекция?

Миссис Оллонби. Ну конечно, о пуританстве.

Лорд Иллингворт. Мне предстоит обратиться к ней, не правда ли? Какой срок вы мне даете?

Миссис Оллонби. Неделю.

Лорд Иллингворт. Недели за глаза хватит.

Входят Джеральд и лорд Альфред.

Джеральд (подходит к матери). Милая мама!

Миссис Арбетнот. Джеральд, мне что-то нехорошо. Проводи меня домой. Не надо мне было приезжать.

Джеральд. Как жалко, мама. Ну конечно. Но сначала познакомься с лордом Иллингвортом. (Идет к нему.)

Миссис Арбетнот. Только не сегодня, Джеральд.

Джеральд. Лорд Иллингворт, мне очень хотелось бы познакомить вас с моей матерью.

Лорд Иллингворт. С величайшим удовольствием! (К миссис Оллонби.) Я через минуту вернусь. Чужие матери всегда надоедают мне. И все женщины становятся похожи на своих матерей. В этом их трагедия.

Миссис Оллонби. А мужчины - никогда. В этом их трагедия.

Лорд Иллингворт. Какое у вас чудесное настроение сегодня! (Поворачивается и подходит вместе с Джеральдом к миссис Арбетнот. Увидев ее, отшатывается в изумлении. Затем медленно переводит взгляд на Джеральда.)

Джеральд. Мама, это лорд Иллингворт, который предлагает мне стать его личным секретарем.

Миссис Арбетнот холодно кланяется.

Для меня это прекрасное начало, не правда ли? Надеюсь только, что он во мне не разочаруется. Ты ведь поблагодаришь лорда Иллингворта, мама?

Миссис Арбетнот. Конечно, лорд Иллингворт очень добр, что принимает в тебе участие.

Лорд Иллингворт (кладя руку на плечо Джеральда). О, мы с Джеральдом уже успели подружиться, миссис... Арбетнот.

Миссис Арбетнот. Между вами и моим сыном не может быть ничего общего, лорд Иллингворт.

Джеральд. Мама, милая, как ты можешь это говорить? Конечно, лорд Иллингворт очень остроумен и все такое, он все на свете знает.

Лорд Иллингворт. Мой милый мальчик!

Джеральд. Он знает жизнь лучше, чем кто бы то ни было. Я себя чувствую таким тупицей, когда я с вами, лорд Иллингворт. Конечно, у меня не было никаких преимуществ. Я не учился ни в Итоне, ни в Оксфорде, как другие. Но лорд Иллингворт, по-видимому, не придает этому значения. Он был очень добр ко мне, мама.

Миссис Арбетнот. Лорд Иллингворт может еще передумать. Вряд ли он хочет, чтобы ты был его секретарем!

Джеральд. Мама!

Миссис Арбетнот. Не забывай, ты сам сказал, что у тебя не было почти никаких преимуществ.

Миссис Оллонби. Лорд Иллингворт, мне нужно поговорить с вами. Подойдите на минутку.

Лорд Иллингворт. Извините меня, миссис Арбетнот. Не позволяйте вашей милой матушке настаивать на своих возражениях, Джеральд. Дело ведь совсем решено, не так ли?

Джеральд. Надеюсь, что так.

Лорд Иллингворт отходит к миссис Оллонби.

Миссис Оллонби. Я думала, вы никогда не уйдете от этой дамы в черном бархате.

Лорд Иллингворт. Она очень красива. (Смотрит на миссис Арбетнот.)

Леди Ханстентон. Кэрлайн, не перейти ли нам в концертную залу? Мисс Уэрсли сыграет нам. Вы ведь тоже идете с нами, милая миссис Арбетнот? Вы не знаете, какое нас ждет удовольствие. (Доктору Добени.) Право, надо как-нибудь привезти к вам мисс Уэрсли. Мне так хочется, чтобы милая миссис Добени послушала ее игру на скрипке. Ах, я и забыла! Милая миссис Добени, кажется, не так хорошо слышит?

Доктор Добени. Глухота для нее большое лишение. Она не может даже слушать мои проповеди. Она читает их дома. Но у нее есть внутренние ресурсы, есть ресурсы.

Леди Ханстентон. Она, я думаю, много читает?

Доктор Добени. Только самую крупную печать. Ее зрение быстро слабеет. Но она никогда не жалуется, никогда.

Джеральд (лорду Иллингворту). Пожалуйста, поговорите с мамой, лорд Иллингворт, перед тем как вы пойдете слушать музыку. Ей кажется, вы говорите мне не то, что думаете.

Миссис Оллонби. Разве вы не идете?

Лорд Иллингворт. Сию минуту. Леди Ханстенон, если миссис Арбетнот позволит, я хотел бы сказать ей несколько слов, а потом мы присоединимся к вам.

Леди Ханстенон. Ах, да, конечно. Вам есть что сказать ей, и ей хочется поблагодарить вас за многое. Не каждому сыну делают такое предложение, миссис Арбетнот. Но я знаю, вы его сумеете оценить, дорогая моя.

Леди Кэролайн. Джон!

Леди Ханстенон. Только не задерживайте миссис Арбетнот слишком долго, лорд Иллингворт. Мы без нее не можем обойтись. (Уходит вслед за другими гостями.)

Из залы доносятся звуки скрипки.

Лорд Иллингворт. Так это наш сын, Рэчел! Что ж, я горжусь им. Он настоящий Харфорд, с головы до ног. Кстати, почему он Арбетнот, Рэчел?

Миссис Арбетнот. Не все ли равно, какое имя он носит, если у него нет прав ни на какое.

Лорд Иллингворт. Пожалуй, но почему он Джеральд?

Миссис Арбетнот. В честь того человека, чье сердце я разбила, - в честь моего отца.

Лорд Иллингворт. Ну, Рэчел, что прошло, то прошло. Скажу только одно - я очень, очень доволен нашим мальчиком. Общество будет знать его только как моего личного секретаря, но для меня он будет и самым близким и самым дорогим человеком. Странно, Рэчел, мне казалось, что жизнь моя полна. Но это было неверно. Мне чего-то недоставало, мне недоставало сына. Теперь я нашел моего сына и очень рад, что нашел.

Миссис Арбетнот. Вы не имеете на него никакого права, ни малейшего. Он целиком мой и останется моим.

Лорд Иллингворт. Милая моя Рэчел, вы владели им больше двадцати лет. Почему бы теперь не уступить его мне, хоть ненадолго? Он столько же мой, сколько и ваш.

Миссис Арбетнот. Вы говорите это о ребенке, которого бросили? О ребенке, который мог бы умереть от голода и нужды, если б это только от вас зависело?

Лорд Иллингворт. Вы забываете, Рэчел, что это вы меня бросили. А не я вас.

Миссис Арбетнот. Я бросила вас потому, что вы отказались дать ребенку имя. Перед тем как родился мой сын, я умоляла вас жениться на мне.

Лорд Иллингворт. У меня тогда не было никаких надежд на будущее. И кроме того, Рэчел, я был не многим старше вас. Мне было всего двадцать два года. А когда вся эта история началась в саду вашего отца, мне был двадцать один год.

Миссис Арбетнот. Когда мужчина достаточно взрослый для того, чтобы делать зло, он достаточно взрослый и для того, чтобы это зло исправить.

Лорд Иллингворт. Милая Рэчел, отвлеченные рассуждения всегда очень интересны, но в моральном отношении они ровно ничего не стоят. Говорить, будто я оставил своего сына умирать голодной смертью, и неверно и неумно. Моя мать предлагала вам шестьсот фунтов в год. Но вы ничего не взяли. Вы просто скрылись и увезли с собой ребенка.

Миссис Арбетнот. Я не приняла бы от нее ни одного пенни. Ваш отец был совсем другой. Когда мы были в Париже, он вам сказал при мне, что вы должны на мне жениться.

Лорд Иллингворт. Долг - это то, чего мы требуем от других и не делаем сами. Конечно, я был тогда под влиянием матери. В юности это со всеми бывает.

Миссис Арбетнот. Очень рада это от вас слышать. Джеральд, разумеется, не поедет с вами.

Лорд Иллингворт. Какой вздор!

Миссис Арбетнот. Неужели вы думаете, я позволю моему сыну...

Лорд Иллингворт. Нашему сыну!

Миссис Арбетнот. Моему сыну!

Лорд Иллингворт пожимает плечами.
Уехать с человеком, который погубил мою молодость, испортил мне жизнь, отравил каждую минуту существования? Вы не понимаете, что мое прошлое было сплошным страданием и позором?

Лорд Иллингворт. Милая моя Рэчел, должен сказать откровенно, что будущее Джеральда для меня гораздо важнее, чем ваше прошлое.

Миссис Арбетнот. Будущее Джеральда нельзя отделить от моего прошлого.

Лорд Иллингворт. Именно это он и должен сделать. Именно в этом вы и должны ему помочь. Как это типично для женщины! Вы говорите так сентиментально, а сами остаетесь насквозь эгоисткой. Но постараемся обойтись без сцены. Рэчел, я просил бы вас взглянуть на дело с точки зрения здравого смысла, с точки зрения пользы для нашего сына, оставив нас обоих в стороне. Что он такое сейчас? Мелкий сдужающий в провинциальном банке, в захолустном английском городке. Если вы воображаете, что он счастлив, вы очень ошиблись. Он недоволен и несчастлив.

Миссис Арбетнот. Он был доволен, пока не встретил вас. Это вы сделали его несчастным.

Лорд Иллингворт. Конечно, я. Недовольство - первый шаг к прогрессу, как у отдельного человека, так и у народа. Но я же не бросил его, пробудив в нем стремление к недоступному. Нет, я сделал ему лестное предложение. Могу сказать, что он в восторге. Как и всякий юноша на его месте. А теперь, только потому, что я прихожусь родным отцом мальчику, а он мне - родным сыном, вы хотите загубить его карьеру. Иными словами, если б я был ему чужой, вы бы позволили Джеральду уехать со мной. Но так как он моя плоть и кровь - вы ему это запрещаете. Где же тут логика?

Миссис Арбетнот. Я его не отпущу.

Лорд Иллингворт. А как вы его не пустите? Под каким предлогом вы заставите его отклонить мое предложение? Я ему, конечно, не скажу, кем он мне приходится. А вы не посмеете сказать. Вы это знаете. Вы сами его так воспитали.

Миссис Арбетнот. Я воспитала его хорошим человеком.

Лорд Иллингворт. Совершенно верно. А результат? Вы воспитали из него судью себе, если только он когда-нибудь узнает ваше прошлое. И он будет для вас суровым, несправедливым судьей. Не обманывайте себя, Рэчел. Дети начинают с любви к родителям. А потом - судят их. Они не прощают им почти никогда.

Миссис Арбетнот. Джордж, не отнимайте у меня сына. Я пережила двадцать лет горя, и только одно существо на свете меня любит, только одно. Ваша жизнь была полна радостей, наслаждений, успехов. Вы были вполне счастливы и ни разу не вспомнили о нас. Да судя по вашим взглядам, и вспоминать нас не было никакой причины. Встреча с нами была просто случайностью, несчастной случайностью. Забудьте о ней. Зачем же вы явились, чтобы отнять у меня.. все, что у меня есть на этом свете. У вас есть все, кроме этого одного. Оставьте мне маленький вертоград моей жизни, оставьте мне мой сад за оградой и источник в нем; оставьте мне агнца, которого бог послал мне из жалости или во гневе. Джордж, не отнимайте у меня Джеральда!

Лорд Иллингворт. Рэчел, вы теперь уже не нужны для карьеры Джеральда, а я нужен. Больше нам говорить не о чем.

Миссис Арбетнот. Я не пушу его.

Лорд Иллингворт. А вот и сам Джеральд. Он имеет право сам решить этот вопрос.

Входит Джеральд.

Джеральд. Ну, мама, надеюсь, ты обо всем сговорила с лордом Иллингвортом?

Миссис Арбетнот. Нет, Джеральд.

Лорд Иллингворт. Ваша матушка почему-то не хочет, чтобы вы ехали со мной.

Джеральд. Почему же, мама?

Миссис Арбетнот. Я думала, ты был счастлив со мною и здесь, Джеральд. Я не знала, что тебе так хочется покинуть меня.

Джеральд. Мама, ну как ты можешь так говорить! Конечно, я был совершенно счастлив с тобой. Но ведь мужчина не может всю жизнь оставаться при своей матери. Никто так не делает. Мне хочется создать себе положение, добиться чего-то. Я думал, ты будешь гордиться мной, когда я стану секретарем лорда Иллингворта.

Миссис Арбетнот. Не думаю, чтобы из тебя вышел такой секретарь, какой нужен лорду Иллингворту. У тебя нет для этого знаний.

Лорд Иллингворт. Я не хочу вмешиваться в ваши дела, миссис Арбетнот, но в том, что касается вашего последнего возражения, я, разумеется, лучший судья. И могу только сказать, что у вашего сына есть все данные, на какие только я мог надеяться. И даже больше, чем я думал. Гораздо больше.

Миссис Арбетнот молчит.

Может быть, у вас есть иные причины, миссис Арбетнот, почему вы не желаете, чтобы ваш сын занял это место?

Джеральд. Есть такие причины, мама? Отвечай же!

Лорд Иллингворт. Если они есть, миссис Арбетнот, то очень прошу вас, скажите. Мы теперь совсем одни. Что бы это ни было - нечего и говорить, оно останется между нами.

Джеральд. Мама?

Лорд Иллингворт. Если вы хотите поговорить с сыном наедине, я вас оставлю. У вас могут быть особые причины, о которых мне знать не следует.

Миссис Арбетнот. Других причин у меня нет.

Лорд Иллингворт. Тогда, мой милый мальчик, можно считать дело решенным. Пойдемте на террасу и выкурим по папироске. Позвольте сказать вам, миссис Арбетнот, что вы поступили очень, очень разумно. (Уходит с Джеральдом.)

Миссис Арбетнот остается одна. Она стоит неподвижно, ее лицо выражает глубокое страдание.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картинная галерея в Ханстентоне. Дверь в глубине ведет на террасу. Лорд Иллингворт и Джеральд; лорд Иллингворт полулежит на диване, Джеральд сидит в кресле.

Лорд Иллингворт. Чрезвычайно разумная женщина ваша матушка, Джеральд. Я так и знал, что в конце концов она согласится.

Джеральд. Мама очень щепетильна, лорд Иллингворт; я знаю, она думает, что я не настолько образован, чтобы быть вашим секретарем. И она совершенно права. В школе я отчаянно ленился, а теперь не выдержал бы экзамена даже ради спасения жизни.

Лорд Иллингворт. Милый мой Джеральд, экзамены ровно ничего не значат. Если вы джентльмен, то знаете столько, сколько нужно, а если не джентльмен - то всякое знание вам только вредит.

Джеральд. Но я так мало знаю свет, лорд Иллингворт.

Лорд Иллингворт. Не бойтесь, Джеральд. Помните, что у вас есть самое замечательное в жизни - молодость. Нет ничего лучше молодости. Пожилые люди уже в долгу у жизни.

А старики сданы в архив. Но молодость - владыка жизни. У молодости все впереди. Каждый рождается королем, и многие, подобно королям, умирают в изгнании. Для того чтобы вернуть свою молодость, Джеральд, я готов делать все - только не вставать рано, не заниматься гимнастикой и не быть полезным членом общества.

Джеральд. Но ведь вы не считаете себя стариком, лорд Иллингворт?

Лорд Иллингворт. Я достаточно стар, чтобы быть вашим отцом, Джеральд.

Джеральд. Я не помню своего отца, он умер очень давно.

Лорд Иллингворт. Я это слышал от леди Ханстентон.

Джеральд. Очень странно, мама никогда не говорит со мною об отце. Я иногда думаю, что она, должно быть, вышла за человека недостойного.

Лорд Иллингворт (слегка хмурится). Вот как? (Подходит к Джеральду и кладет руку ему на плечо.) Вам, я думаю, было трудно без отца, Джеральд?

Джеральд. О нет, мама так любила меня. Ни у кого нет такой матери, как у меня!

Лорд Иллингворт. Я не сомневаюсь. А все-таки, мне кажется, матери не всегда понимают сыновей. То есть не представляют себе, что у сына может быть честолюбие, желание видеть жизнь, создать себе имя. В конце концов, Джеральд, вы ведь не можете просидеть всю жизнь в такой дыре, как Рокли, не правда ли?

Джеральд. Конечно нет! Это было бы ужасно.

Лорд Иллингворт. Материнская любовь очень трогательна, разумеется, но она часто бывает крайне эгоистична. Я хочу сказать, что в этой любви немало эгоизма.

Джеральд (после паузы). Мне тоже так кажется.

Лорд Иллингворт. Ваша матушка - очень хорошая женщина. Но даже у самых хороших женщин такие узкие взгляды на жизнь, их горизонт ограничен, их интересы так мелки, не правда ли?

Джеральд. Да, они интересуются такими вещами, до которых нам дела нет.

Лорд Иллингворт. Должно быть, ваша матушка очень религиозна, ну и прочее в этом же духе?

Джеральд. Да, она часто ходит в церковь.

Лорд Иллингворт. А! она не современная женщина, а теперь самое главное - не отстать от современности. Вы ведь хотите быть человеком своего времени, Джеральд? Вы хотите узнать жизнь, какова она есть. А не быть сбитым с толку разными отсталыми теориями о жизни. Так вот, вам теперь надо только войти в лучшее общество. Человек, который может овладеть разговором за лондонским обедом, может овладеть всем миром. Будущее принадлежит денди. Господствовать должны утонченные люди.

Джеральд. Мне очень хотелось бы изящно одеваться, но я всегда слышал, что мужчина не должен много заниматься своей внешностью.

Лорд Иллингворт. Люди нынче стали до того поверхностны, что не понимают даже философии внешности. Кстати, Джеральд, вам надо научиться завязывать галстук. Для бутоньерки в петлице довольно и чувства. А для галстука самое главное - стиль. Хорошо завязанный галстук - это первый важный шаг в жизни.

Джеральд (смеясь). Галстук я, быть может, научусь завязывать, лорд Иллингворт, но никогда не научусь говорить так, как вы. Я совсем не умею говорить.

Лорд Иллингворт. О! говорите с каждой женщиной так, как будто вы в нее влюблены, а с каждым мужчиной так, как будто он вам надоел, и к концу первого сезона у вас будет репутация светского человека с необыкновенным тактом.

Джеральд. Но ведь получить доступ в высший свет очень трудно, правда?

Лорд Иллингворт. Чтобы получить нынче доступ в высший свет, надо или кормить людей обедами, или потешать их, или шокировать - вот и все!

Джеральд. В светском обществе, должно быть, замечательно интересно!

Лорд Иллингворт. Бывать в обществе просто скучно. А быть вне общества - уже трагедия. Без общества нельзя обойтись. Мужчина не может иметь успеха в жизни, если его не поддерживают женщины, а женщины правят обществом. Если женщины не на

вашей стороне, то вы человек конченный. Уж тогда лучше сразу идти в адвокаты, в маклеры или в журналисты.

Джеральд. Очень трудно понимать женщин, не правда ли?

Лорд Иллингворт. А вам и не надо их понимать. Женщина - это картина. Мужчина - это проблема. Если вы хотите знать, что на самом деле думает женщина - а эта, кстати сказать, всегда опасно, - смотрите на нее, но не слушайте.

Джеральд. Но ведь женщины очень умны? Лорд Иллингворт. Это им всегда следует говорить. И для философа, милый мой Джеральд, женщины являют собой торжество материи над духом, точно так же как мужчина - торжество духа над моралью.

Джеральд. Почему же тогда женщины имеют такую власть, как вы говорите?

Лорд Иллингворт. История женщин - это история самого худшего вида тирании, какую знал мир. Тирания слабого над сильным. Это единственная форма тирании, которая еще держится.

Джеральд. Но разве влияние женщин не облагораживает?

Лорд Иллингворт. Облагораживает только интеллект.

Джеральд. Но все-таки бывают женщины всякого рода, не правда ли?

Лорд Иллингворт. В обществе - только двух родов: некрасивые и накрашенные.

Джеральд. Но ведь есть в обществе и хорошие женщины, да?

Лорд Иллингворт. Даже слишком много.

Джеральд. Разве вы не думаете, что женщины и должны быть хорошими?

Лорд Иллингворт. Никогда не надо им этого говорить, а то все они сразу станут хорошими. Женщины - очаровательно своенравный пол. Каждая женщина - мятежница и яростно восстает против самой себя.

Джеральд. Вы никогда не были женаты, лорд Иллингворт?

Лорд Иллингворт. Мужчины женятся от усталости, женщины выходят замуж из любопытства. И те и другие разочаровываются.

Джеральд. А как вы думаете, человек может быть счастлив, если женится?

Лорд Иллингворт. Вполне. Но счастье женатого человека зависит от тех, на ком он не женат.

Джеральд. Но если он влюблен?

Лорд Иллингворт. Надо всегда быть влюбленным. Вот почему никогда не следует жениться.

Джеральд. Удивительная вещь - любовь, не правда ли?

Лорд Иллингворт. Когда человек влюблен, он сначала обманывает себя. А кончает тем, что обманывает других. Это-то и называется на свете любовью. Но настоящая *grande passion* {Большая страсть. (Франц.)} встречается теперь сравнительно редко. Это привилегия людей, которым нечего делать. Это единственное занятие для праздных слоев общества и единственный смысл жизни для нас, Харфордов.

Джеральд. Для Харфордов, лорд Иллингворт?

Лорд Иллингворт. Это мое родовое имя. Вам надо бы изучать Книгу пэров, Джеральд. Это единственная книга, которую светский молодой человек должен знать наизусть, и самый лучший роман, какой произвели на свет англичане. А теперь, Джеральд, вы входите вместе со мной в совершенно новую жизнь, и я хочу научить вас, как жить.

Миссис Арбетнот появляется сзади, на террасе.

Потому что мир создан глупцами для того, чтобы в нем жили умные люди!

Входят леди Ханстентон и доктор Добени.

Леди Ханстентон. Ах, вот вы где, дорогой лорд Иллингворт! Вы, верно, говорили с нашим юным другом о его новых обязанностях и дали ему много полезных советов вместе с хорошей папиросой.

Лорд Иллингворт. Я дал ему самые лучшие советы, леди Ханстентон, и самые лучшие папиросы.

Леди Ханстентон. Мне очень жаль, что я тут не была и не слышала вас, но я, пожалуй, уже стара учиться. Разве только у вас, дорогой архидиакон, я готова учиться, когда вы говорите с вашей красивой кафедры. Но там я всегда знаю наперед, что вы скажете, и меня это не тревожит. (Замечает миссис Арбетнот.) Ах, милая моя миссис Арбетнот, идите к нам! Идите же, дорогая. (С террасы входит миссис Арбетнот.) Джеральд так долго разговаривал с лордом Иллингвортом, я думаю, вы очень рады, что ему так повезло. Давайте сядем.

Обе садятся.

Как подвигается ваша прелестная вышивка?

Миссис Арбетнот. Я все еще работаю над ней, леди Ханстентон.

Леди Ханстентон. Миссис Добени тоже немножко вышивает, кажется?

Доктор Добени. Когда-то она прекрасно вышивала. Но теперь пальцы у нее сведены подагрой. Она уже лет девять-десять не дотрагивалась до рукоделия. Но у нее много других развлечений. Она очень интересуется своим здоровьем.

Леди Ханстентон. Ах! это всегда большое удовольствие, не правда ли? О чем же вы говорили, лорд Иллингворт? Расскажите нам.

Лорд Иллингворт. Я только что объяснял Джеральду, что люди всегда смеются над своими трагедиями - это единственный способ переносить их. И, следовательно, во всем, к чему люди относятся серьезно, нужно видеть комическую сторону вещей.

Леди Ханстентон. Ну вот, я опять совсем сбита с толку, как и всегда, когда говорит лорд Иллингворт. А человеколюбивое общество так невнимательно. Никогда не придет на помощь. И мне остается только погибать. Мне смутно представляется, лорд Иллингворт, что вы всегда на стороне грешников, а я всегда стараюсь быть на стороне святых, но больше я ничего не понимаю. А может быть, все это только кажется утопающей.

Лорд Иллингворт. Единственная разница между святым и грешником та, что у святого всегда есть прошлое, а у грешника - будущее.

Леди Ханстентон. Ну, это меня совсем доконало. Не могу возразить ни слова. Мы с вами, дорогая миссис Арбетнот, совсем отстали от века. Нам не понять лорда Иллингворта. Боюсь, нас чересчур заботливо воспитывали. А теперь хорошее воспитание - только помеха. Оно от слишком многого отгораживает.

Миссис Арбетнот. Я была бы огорчена, если бы разделяла хоть какие-нибудь взгляды лорда Иллингворта.

Леди Ханстентон. И вы совершенно правы, дорогая. Джеральд, пожимая плечами, недовольно смотрит на мать. Входит леди Кэролайн.

Леди Кэролайн. Джейн, вы не знаете, где Джон?

Леди Ханстентон. Вы напрасно беспокоитесь о нем, милая. Он с леди Статфилд, я их видела недавно в желтой гостиной. Им, кажется, очень весело вместе. Не уходите, Кэролайн. Посидите с нами, пожалуйста.

Леди Кэролайн. Я лучше пойду поищу Джона. (Уходит.)

Леди Ханстентон. Не годится оказывать мужчинам столько внимания. И Кэролайн решительно не о чем тревожиться. Леди Статфилд такая симпатичная. Она ко всему относится с одинаковой симпатией. Прекрасный характер.

Входят сэр Джон и миссис Оллонби.

А вот и сэр Джон! Да еще с миссис Оллонби! Должно быть, я и видела его с миссис Оллонби. Сэр Джон, вас повсюду ищет Кэролайн.

Миссис Оллонби. Мы ждали ее в концертной зале, милая леди Ханстентон.

Леди Ханстентон. Ах да, разумеется, в концертной зале. А я думала - в желтой

гостиной, память у меня стала такая ненадежная. (Доктору Добени.) У миссис Добени замечательная память, не правда ли?

Доктор Добени. Она раньше славилась своей памятью, но после последнего приступа она помнит только события раннего детства. Но она находит большое утешение в таких воспоминаниях, большое утешение.

Входят леди Статфилд и мистер Келвиль.

Леди Ханстенон. А! милая леди Статфилд! О чем же говорил с вами мистер Келвиль?

Леди Статфилд. О биметаллизме, сколько я помню.

Леди Ханстенон. О биметаллизме? А это разве подходящая тема для разговора? Хотя, насколько я знаю, теперь люди свободно говорят решительно обо всем. А о чем говорил с вами сэр Джон, милая миссис Оллонби?

Миссис Оллонби. О Патагонии.

Леди Ханстенон. Неужели? Какая отдаленная тема. Но весьма поучительная, не сомневаюсь.

Миссис Оллонби. Он очень интересно говорил о Патагонии. Оказывается, дикари на все смотрят совершенно так же, как и культурные люди. Они такие развитые.

Леди Ханстенон. Что же они делают?

Миссис Оллонби. По-видимому, все.

Леди Ханстенон. А ведь крайне поучительно узнать, дорогой архидиакон, что человеческая натура всегда одинакова. В общем, в мире везде одно и то же, не правда ли?

Лорд Иллингворт. Весь мир делится на два класса: одни веруют в невероятное, как простая чернь, другие же совершают невозможное...

Миссис Оллонби. Как вы сами?

Лорд Иллингворт. Да, я всегда удивляю сам себя. Это единственное, ради чего стоит жить.

Леди Статфилд. А что вы сделали удивительного за последнее время?

Лорд Иллингворт. Я открыл разного рода прекрасные качества в себе самом.

Миссис Оллонби. Ах, не становитесь совершенством так сразу. Делайте это постепенно!

Лорд Иллингворт. Я и не собираюсь сразу становиться совершенством. То есть надеюсь, что не стану. Это было бы совсем некстати. Женщины любят нас за наши недостатки. Если у нас их довольно, они простят все, даже наш гигантский интеллект.

Миссис Оллонби. Не рано ли просить, чтобы мы простили способность к анализу. Мы прощаем обожание - большего с нас и требовать нельзя.

Входит лорд Альфред. Он подсаживается к леди Статфилд.

Леди Ханстенон. Мы, женщины, должны прощать все, не так ли, милая миссис Арбетнот? Я уверена, вы согласитесь со мною.

Миссис Арбетнот. Не могу, леди Ханстенон. Я думаю, есть многое, чего женщина прощать не должна.

Леди Ханстенон. Что же это такое?

Миссис Арбетнот. Загубленная жизнь другой женщины. (Медленно проходит в глубь сцены.)

Леди Ханстенон. Да, это очень печально, разумеется, но есть прекрасные учреждения, где за этими женщинами смотрят, исправляют их, и мне, в общем, кажется, что секрет жизни в том и состоит, чтобы ко всему относиться как можно легче.

Миссис Оллонби. Секрет жизни в том, чтобы не поддаваться чувству, когда оно неуместно.

Леди Статфилд. Секрет жизни в том, чтобы наслаждаться разочарованием, когда вас

ужасно, просто ужасно обманут.

Келвиль. Секрет жизни в том, чтобы устоять перед искушением, леди Статфилд.

Лорд Иллингворт. Никакого секрета жизни не существует. Цель жизни, если она есть, в том, чтобы всегда искать соблазнов. Их очень мало. Иногда проходит весь день, а мне ни одного не встретится. Это просто ужасно. Начинаешь опасаться за будущее.

Леди Ханстенон (грозит ему веером). Не знаю, отчего, но все, что вы говорите нынче, кажется мне совершенно безнравственным. Но слушать вас было очень интересно.

Лорд Иллингворт. Всякая мысль безнравственна. Ее суть в разрушении. Когда вы думаете о чем-нибудь, вы это губите. Ничто не может перенести воздействия мысли.

Леди Ханстенон. Ни единого слова не понимаю, лорд Иллингворт. Но не сомневаюсь, что все это совершенно верно. Лично мне не приходится упрекать себя в том, чтобы я много думала. Женщинам, мне кажется, вредно много думать. Они должны быть умеренны и в этом, как и во всем остальном.

Лорд Иллингворт. Умеренность - роковое свойство, леди Ханстенон. Только крайность ведет к успеху.

Леди Ханстенон. Надеюсь, что я это запомню. Это изречение звучит прелестно. Но я теперь стала все забывать. Такое несчастье!

Лорд Иллингворт. Это одно из самых сильных ваших очарований, леди Ханстенон. Женщинам не надо бы иметь память. Память в женщине убивает вкус. Глядя на шляпу женщины, всегда можно сказать, есть у нее память или нет.

Леди Ханстенон. Какой вы милый, лорд Иллингворт! У вас всегда получается, что наш самый вопиющий недостаток и есть наше самое большое достоинство. У вас такие утешительные взгляды на жизнь.

Входит Фаркэр.

Фаркэр. Экипаж доктора Добени подан!

Леди Ханстенон. Дорогой мой архидиакон! Сейчас только половина одиннадцатого.

Доктор Добени (вставая). Боюсь, что мне пора домой, леди Ханстенон. По вторникам миссис Добени всегда плохо спит.

Леди Ханстенон (вставая). Что ж, не буду вас задерживать. (Провожает его к дверям.) Я приказала Фаркэру положить в экипаж пару куропаток. Может быть, они понравятся миссис Добени.

Доктор Добени. Вы очень любезны, но миссис Добени теперь не ест ничего твердого. Она питается одним только желе. Но она очень жизнерадостна, очень. Ей не на что жаловаться. (Выходит вместе с леди Ханстенон.)

Миссис Оллонби (подходит к лорду Иллингворту). Какая сегодня чудесная луна.

Лорд Иллингворт. Идемте полюбуемся на нее. В наше время так приятно любоваться чем-нибудь непостоянным.

Миссис Арбетнот. Ведь у вас есть зеркало.

Лорд Иллингворт. Оно жестоко. Оно только показывает мне мои морщины.

Миссис Арбетнот. Мое гораздо лучше воспитано. Оно никогда не говорит мне правды.

Лорд Иллингворт. Значит, оно влюблено в вас.

Сэр Джон, леди Статфилд, Келвиль и лорд Альфред уходят.

Джеральд (лорду Иллингворту). Можно и мне пойти с вами?

Лорд Иллингворт. Конечно, мой милый. (Идет к выходу вместе с миссис Оллонби и Джеральдом.)

Входит леди Кэролайн, оглянувшись вокруг, уходит в сторону, противоположную той, куда ушли сэр Джон и леди Статфилд.

Миссис Арбетнот. Джеральд!
Джеральд. Как? Мама?

Лорд Иллингворт уходит вместе с миссис Оллонби.

Миссис Арбетнот. Уже поздно. Идем домой.

Джеральд. Mam, милая, побудем еще немножко. С лордом Иллингвортом так интересно, и между прочим, мама, у меня есть для тебя большой сюрприз. Мы уезжаем в Индию в конце месяца.

Миссис Арбетнот. Идем домой.

Джеральд. Если тебе так хочется, то конечно, мама, только сначала мне надо проститься с лордом Иллингвортом. Я вернусь через пять минут. (Уходит.)

Миссис Арбетнот. Пусть уходит от меня, если ему хочется, но только не с ним, только не с ним! Этого я не вынесу! (Расхаживает взад и вперед.)

Входит Эстер.

Эстер. Какая сегодня чудесная ночь, миссис Арбетнот!

Миссис Арбетнот. Разве?

Эстер. Миссис Арбетнот, мне так хотелось бы познакомиться с вами ближе, если вы позволите. Вы так не похожи на всех остальных женщин здесь. Когда вы вошли сегодня в гостиную, то от вас как-то сразу повеяло всем, что есть в жизни прекрасного и чистого. Я вела себя глупо. Нужное слово иногда говорят не тогда, когда надо, и не тому, кому надо.

Миссис Арбетнот. Я слышала все, что вы говорили. Я с этим согласна, мисс Уэрсли.

Эстер. Я не знала, что вы меня слышали. Но я знала, что вы со мной согласитесь. Женщина, которая согрешила, должна быть наказана, правда?

Миссис Арбетнот. Да.

Эстер. Ее ведь нельзя допускать в общество порядочных мужчин и женщин?

Миссис Арбетнот. Да, нельзя.

Эстер. И мужчина тоже должен быть совершенно так же наказан?

Миссис Арбетнот. Совершенно так же. А дети, если они есть, тоже должны быть так же наказаны?

Эстер. Да, так и следует, чтобы грехи отцов пали и на детей. Это справедливый закон. Данный богом закон.

Миссис Арбетнот. Один из самых жестоких законов, данных богом. (Отходит к камину.)

Эстер. Вы жалеете, что сын оставляет вас, миссис Арбетнот?

Миссис Арбетнот. Да.

Эстер. А вы довольны, что он едет с лордом Иллингвортом? Конечно, там и положение и деньги, но ведь положение и деньги это еще не все, правда?

Миссис Арбетнот. Они ничего не значат; они только приносят несчастье.

Эстер. Так зачем же вы отпускаете с ним сына?

Миссис Арбетнот. Он сам этого хочет.

Эстер. Но если б вы попросили его, он бы остался, разве нет?

Миссис Арбетнот. Он уже твердо решил уехать.

Эстер. Вам он ни в чем отказать не может. Он слишком вас любит. Попросите его остаться. Позвольте, я пришлю его к вам. Он сейчас на террасе с лордом Иллингвортом. Я слышала, как они смеялись, когда проходила мимо.

Миссис Арбетнот. Не беспокойтесь, мисс Уэрсли, я подожду. Это не так важно.

Эстер. Нет, я ему скажу, что вы ждете. Пожалуйста... попросите его остаться. (Уходит.)

Миссис Арбетнот. Он не придет... Я знаю, что не придет.

Входит леди Кэролайн. Она тревожно озирается по сторонам.
Входит Джеральд.

Леди Кэролайн. Мистер Арбетнот, позвольте спросить, не видели ли вы сэра Джона где-нибудь на террасе?

Джеральд. Нет, леди Кэролайн, на террасе его нет.

Леди Кэролайн. Очень странно. Ему давно пора спать. (Уходит.)

Джеральд. Милая мама, прости, я заставил тебя ждать. Я совсем забыл. Мне так хорошо сегодня, мама. Я еще никогда так не радовался.

Миссис Арбетнот. Тому, что ты уезжаешь?

Джеральд. Нет, мама, не говори так. Конечно, мне жаль с тобой расставаться. Ты самая лучшая из матерей. Но в конце концов, нельзя же, как говорит лорд Иллингворт, прожить всю жизнь в таком городишке, как Рокли. Тебе это ничего. Но у меня есть честолюбие, мне этого мало. Я хочу чего-нибудь добиться. Сделать что-нибудь такое, чтобы ты могла гордиться мной, и лорд Иллингворт мне поможет. Он все для меня сделает.

Миссис Арбетнот. Джеральд, не уезжай с лордом Иллингвортом. Умоляю, не уезжай! Прошу тебя, Джеральд!

Джеральд. Мама, как ты переменчива! Ты, кажется, сама не знаешь, чего хочешь. Полтора часа назад в желтой гостиной ты на все соглашалась; теперь ты передумала, находишь возражения и хочешь, чтобы я упустил единственный в жизни шанс. Да, единственный шанс. Не думаешь же ты, мама, что такие люди, как лорд Иллингворт, встречаются нам каждый день? Даже странно, что, когда мне так повезло, единственный человек ставит мне препятствия - и это моя родная мать! А кроме того, знаешь, мама, я люблю Эстер Уэрсли. И как ее не полюбить? Я люблю ее так, что и сказать тебе не могу, больше, чем можно выразить словами. А если у меня будет положение, появятся надежды на будущее, я... я сделаю... Понимаешь ли ты теперь, мама, что значит для меня стать секретарем лорда Иллингворта? Такое начало - это готовая карьера для человека, она открыта перед ним, она ждет его. Если б я стал секретарем лорда Иллингворта, я бы мог сделать Эстер предложение. А для жалкого банковского клерка с какой-то сотней в год это было бы дерзостью.

Миссис Арбетнот. Боюсь, тебе нечего и надеяться на брак с мисс Уэрсли. Я знаю ее взгляды на жизнь. Она только что высказала их мне.

Пауза.

Джеральд. Тогда мне, во всяком случае, остается мое честолюбие. Это уже кое-что - и я рад, что у меня оно есть. Ты всегда старалась подавить во мне честолюбие, мама, не так ли? Ты говорила мне, что свет порочен, что к успеху не стоит стремиться, что общество ничтожно и так далее, - ну, а я этому не верю. Я думаю, что мир полон радости. Думаю, что в обществе должно быть очень интересно. Думаю, что успеха стоит добиваться. Во всем, чему ты меня учила, мама, ты была неправа, совершенно неправа. Лорд Иллингворт имеет большой успех. Он не отстает от времени. Он живет в свете и для света. Я бы все отдал, лишь бы стать таким, как он.

Миссис Арбетнот. А для меня - лучше бы ты умер!

Джеральд. Мама, что ты имеешь против лорда Иллингворта? Скажи мне, скажи сейчас же. Что именно?

Миссис Арбетнот. Он дурной человек.

Джеральд. Чем дурной? Я тебя не понимаю.

Миссис Арбетнот. Я скажу тебе.

Джеральд. Я думаю, тебе он кажется дурным, потому что взгляды у него другие. Так

ведь мужчины не похожи на женщин, мама. Естественно, поэтому и взгляды у них разные.

Миссис Арбетнот. Дело не в том, во что верит или не верит лорд Иллингворт, не это делает его дурным, Он сам дурен.

Джеральд. Мама, ты что-нибудь знаешь о нем? Узнала что-нибудь наверно?

Миссис Арбетнот. Да, я о нем кое-что знаю.

Джеральд. Ты совершенно в этом уверена?

Миссис Арбетнот. Совершенно уверена.

Джеральд. И давно ты это знаешь?

Миссис Арбетнот. Уже двадцать лет.

Джеральд. Справедливо ли это - вспоминать о том, что было с человеком двадцать лет назад? И что нам с тобой до юности лорда Иллингворта? Какое нам до этого дело?

Миссис Арбетнот. Чем этот человек был, тем он и остался и навсегда останется.

Джеральд. Мама, скажи мне, что сделал лорд Иллингворт? Если он сделал что-нибудь позорное, я с ним не поеду. Ведь ты же меня знаешь.

Миссис Арбетнот. Джеральд, подойди ко мне. Сядь совсем рядом, как бывало в детстве, когда ты был маленьким, когда ты был моим родным сыночком.

Джеральд садится рядом с матерью.

Миссис Арбетнот (треплет его волосы, гладит руки). Джеральд, жила когда-то одна девушка, она была очень молода, ей в то время было немногим больше восемнадцати лет. Джордж Харфорд - так звали тогда лорда Иллингворта, - Джордж Харфорд познакомился с ней. Она ничего не знала о жизни. Он знал все. Он заставил эту девушку влюбиться в себя. Влюбиться так сильно, что она ушла с ним из отцовского дома. Она так сильно его полюбила, и он обещал на ней жениться! Он торжественно обещал ей жениться, и она ему поверила! Она была очень молода и совсем не знала, что такое жизнь. Но он откладывал свадьбу с недели на неделю, с месяца на месяц! Она все время ему верила. Она любила его. Перед рождением ребенка - а у нее был ребенок - она умоляла его жениться на ней ради этого ребенка, чтобы дать ему имя, чтобы грех ее не пал на ребенка, ни в чем не повинного, ребенка. Он отказался. После того как родился ребенок, она ушла от него и взяла с собой ребенка, и жизнь ее была загублена, и душа загублена, и все, что было в ней доброго, чистого и кроткого, тоже погибло. Она ужасно страдала - и теперь страдает. Она будет страдать всю жизнь. Для нее нет ни радости, ни покоя, ни искупления. Эта женщина влачит свою цепь, как преступница. Эта женщина носит маску, как прокаженная. Огонь не может ее очистить. Вода не может утолить ее мучений. Ничто не может исцелить ее! Никакое снотворное не даст ей сна, никакой опиум не может дать ей забвения! Она погибла! Ее душа погибла!.. Вот почему я считаю лорда Иллингворта дурным человеком. Вот почему я не хочу, чтобы мой сын уехал с ним.

Джеральд. Милая мама, все это, конечно, звучит очень трагически. Но мне кажется, девушка виновата столько же, сколько и лорд Иллингворт. В конце концов, разве хорошая девушка, по-настоящему хорошая, ушла бы из дому с человеком, который на ней не женился, и стала бы с ним жить как жена? Хорошая девушка так не делает.

Миссис Арбетнот (после паузы), Джеральд, я беру назад все свои возражения. Ты волен ехать с лордом Иллингвортом когда и куда хочешь.

Джеральд. Милая мама, я так и знал, что ты не захочешь мне мешать. Ты - лучшая женщина, какую создал бог. А что касается лорда Иллингворта, то я не верю, чтоб он был способен на что-нибудь бесчестное и подлое. Не могу этому поверить, просто не могу.

Эстер (за сценой). Пустите меня! Пустите!

Вбегает испуганная Эстер, бросается к Джеральду и ищет спасения в его объятиях.

Эстер. О! Спасите меня, спасите от него!

Джеральд. От кого?

Эстер. Он меня оскорбил! Страшно оскорбил! Спасите меня!

Джеральд. Кто? Кто посмел?..

В глубине сцены появляется лорд Иллингворт. Эстер, высвободившись из объятий

Джеральда, указывает на него.

(Вне себя от гнева и возмущения.) Лорд Иллингворт, вы оскорбили самое чистое создание на земле, такое же чистое, как моя мать. Вы оскорбили девушку, которую я люблю больше всего на свете, люблю, как свою мать. И я убью вас, если есть еще бог на небесах!

Миссис Арбетнот (подбегает к Джеральду и удерживает его). Нет! Нет!

Джеральд (отталкивает ее). Не держи меня - я его убью!

Миссис Арбетнот. Джеральд!

Джеральд. Пусти меня, говорю тебе!

Миссис Арбетнот. Стой, Джеральд, стой! Ведь это твой отец!

Джеральд, схватив мать за руки, смотрит ей в лицо. Она медленно опускается на пол, подавленная стыдом. Эстер на цыпочках идет к двери. Лорд Иллингворт хмурится, кусая губы. Проходит минута-другая - Джеральд поднимает мать и, обняв ее за плечи, уводит из комнаты.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гостиная миссис Арбетнот. Большая стеклянная дверь в глубине открыта и выходит в сад. Двери справа и слева.

Джеральд пишет за столом. Входит Алиса, за нею леди Ханстентон и миссис Оллонби.

Алиса. Леди Ханстентон и миссис Оллонби. (Выходит.)

Леди Ханстентон. Доброе утро, Джеральд.

Джеральд (вставая). Доброе утро, леди Ханстентон. Здравствуйте, миссис Оллонби.

Леди Ханстентон (сажаясь). Мы пришли справиться о здоровье вашей милой матушки, Джеральд. Надеюсь, ей лучше?

Джеральд. Она еще не выходила из своей комнаты, леди Ханстентон.

Леди Ханстентон. Ах, я боюсь, вчера было слишком душно. Воздух, по-моему, был насыщен грозой. А может быть, и музыкой. Музыка всегда как-то настраивает на романтический лад, то есть всегда действует на нервы.

Миссис Оллонби. В наше время это почти одно и то же.

Леди Ханстентон. Не понимаю, милая, что вы хотите сказать, и очень рада, что не понимаю. Боюсь, вы имели в виду что-то не совсем хорошее. АХ, я вижу, вы разглядываете хорошенькую гостиную миссис Арбетнот. Это так мило и так старомодно, не правда ли?

Миссис Оллонби (разглядывая комнату в лорнет). Самый настоящий английский дом - счастливый семейный очаг.

Леди Ханстентон. Вот именно, милая, вполне точное определение. Во всем, что окружает вашу матушку, Джеральд, чувствуется ее благотворное влияние.

Миссис Оллонби. Лорд Иллингворт говорит, что всякое влияние вредно, но благотворное влияние хуже всего на свете.

Леди Ханстенон. Когда лорд Иллингворт познакомится с миссис Арбетнот поближе, он переменит свое мнение. Я непременно приведу его сюда.

Миссис Оллонби. Хотелось бы мне видеть лорда Иллингворта в счастливом семейном кругу.

Леди Ханстенон. Милая, это будет ему очень полезно. Нынче чуть ли не все женщины в Лондоне украшают свои комнаты орхидеями, иностранцами и французскими романами. А здесь мы видим келью чистой и кроткой святой. Свежие полевые цветы, книги, которые никого не шокируют, картины, на которые можно смотреть, не краснея.

Миссис Оллонби. А я очень люблю краснеть.

Леди Ханстенон. Ну что ж, в пользу стыдливого румянца можно сказать очень многое, если, конечно, умеешь краснеть, когда это нужно. Бедняжка Ханстенон говаривал мне, что я слишком редко краснею. Но ведь зато он и был такой разборчивый. Он не хотел знакомить меня со своими друзьями, кроме тех, которым было уже за семьдесят, вроде бедного лорда Эштона; кстати говоря, он уже много после фигурировал в бракоразводном процессе. Такое несчастье.

Миссис Оллонби. Я обожаю мужчин за семьдесят. Они всегда предлагают женщинам любовь до гроба. По-моему, семьдесят лет - идеальный возраст для мужчины.

Леди Ханстенон. Она неисправима, Джеральд, не правда ли? Надеюсь, теперь я буду чаще видеться с вашей милой матушкой. Ведь вы с лордом Иллингвортом очень скоро уезжаете?

Джеральд. Я передумал и не буду секретарем лорда Иллингворта.

Леди Ханстенон. Выть не может, Джеральд! Это сущее безумие! Какая же причина?

Джеральд. Мне кажется, я не подхожу для этой должности.

Миссис Оллонби. Хорошо, если б лорд Иллингворт предложил мне стать его секретарем. Но он говорит, что я недостаточно серьезна.

Леди Ханстенон. Милая, вам не следует так говорить в этом доме. Миссис Арбетнот ничего не знает о развращенном обществе, в котором мы все вращаемся. Она не хочет в нем бывать. Она слишком хороша для него. Я считаю большой честью, что она побывала вчера у меня. Это создало атмосферу порядочности.

Миссис Оллонби. Ах, вот почему вам показалось, что в воздухе пахнет грозой.

Леди Ханстенон. Милая, ну как можно это говорить? Между этими вещами нет решительно ничего общего. Но в самом деле, Джеральд, почему же вы не подходите?

Джеральд. У нас с лордом Иллингвортом совершенно разные взгляды на жизнь.

Леди Ханстенон. Но, милый мой Джеральд, у вас в вашем возрасте не должно быть никаких своих взглядов на жизнь. Это совершенно неуместно. В этом отношении вами должны руководить другие. Лорд Иллингворт сделал вам самое лестное предложение, путешествуя с ним, вы увидели бы свет - то есть ровно столько, сколько нужно видеть, - в самых благоприятных условиях, познакомились бы с самыми нужными людьми, что так важно для начала вашей карьеры.

Джеральд. Я не хочу видеть свет: я уже достаточно видел.

Миссис Оллонби. Надеюсь, вы не пресыщены жизнью, мистер Арбетнот. Когда мужчина так говорит, это значит, что жизнь его доконала.

Джеральд. Я не хочу уезжать от моей матери.

Леди Ханстенон. Ну, Джеральд, это уже просто лень. Не уезжать от матери! Если б я была вашей матерью, я бы настояла на вашем отъезде.

Входит Алиса.

Алиса. Миссис Арбетнот извиняется, миледи, но у нее сильно болит голова и она никого не может видеть сегодня утром. (Уходит.)

Леди Ханстенон. Сильно болит голова! Как жаль! Джеральд, может быть, вы с ней придете вечером к нам в Ханстенон, если ей станет лучше?

Джеральд. Сегодня вечером вряд ли, леди Ханстенон.

Леди Ханстенон. Ну что ж, тогда завтра. Ах, если б у вас был отец, Джеральд, он бы не допустил, чтобы вы прозябали здесь. Он бы немедленно отправил вас отсюда с лордом Иллингвортом. Но матери всегда так слабы. Они во всем уступают сыновьям. Мы живем сердцем, только сердцем. Идемте, милая, мне надо еще заехать к ректору и справиться о здоровье миссис Добени, она, кажется, неважно себя чувствует. Удивительно, как архидиакон это выносит, просто удивительно. Он самый лучший из мужей. Прямо-таки образцовый. До свиданья, Джеральд, передайте самый сердечный привет вашей матушке.

Миссис Оллонби. До свиданья, мистер Арбетнот.

Джеральд. До свиданья.

Леди Ханстенон и миссис Оллонби уходят.

(Садится и перечитывает письмо.) Какой фамилией подписаться? У меня нет прав ни на какую. (Подписывается, кладет письмо в конверт, надписывает адрес и хочет запечатать письмо.)

Отворяется дверь и входит миссис Арбетнот. Джеральд кладет сургуч на стол. Мать и сын смотрят друг на друга.

Леди Ханстенон (через открытую стеклянную дверь в глубине сцены). Еще раз до свиданья, Джеральд. Мы уходим напрямик через ваш хорошенький садик. И не забудьте мои советы: уезжайте немедленно с лордом Иллингвортом.

Миссис Оллонби. Au revoir, мистер Арбетнот. Смотрите привезите мне что-нибудь хорошенькое из вашего путешествия, только не индийскую шаль, ни в коем случае не индийскую шаль.

Уходят.

Джеральд. Мама, я написал ему.

Миссис Арбетнот. Кому?

Джеральд. Моему отцу. Я ему написал, чтобы он пришел сюда к четырем часам.

Миссис Арбетнот. Он не придет. Я не пушу его на порог своего дома.

Джеральд. Он должен прийти.

Миссис Арбетнот. Джеральд, если ты хочешь уехать с лордом Иллингвортом, уезжай сейчас же. Уезжай, пока это меня не убило: но не проси, чтобы я с ним виделась.

Джеральд. Мама, ты не понимаешь. Никто не заставит меня уехать с лордом Иллингвортом и бросить тебя. Ты же меня знаешь. Нет, я написал ему...

Миссис Арбетнот. О чем ты можешь ему писать?

Джеральд. Мама, неужели ты не догадалась, о чем я писал в этом письме?

Миссис Арбетнот. Нет.

Джеральд. Мама, ты, верно, догадываешься. Ну подумай, подумай хорошенько, что нужно сделать теперь же, немедленно, на этих же днях.

Миссис Арбетнот. Ничего нельзя сделать.

Джеральд. Я написал лорду Иллингворту, что он должен на тебе жениться.

Миссис Арбетнот. Жениться на мне?

Джеральд. Мама, я его заставлю. Зло, которое он тебе сделал, должно быть исправлено. Должно быть искуплено. Справедливость должна восторжествовать, мама, хоть и поздно. Через несколько дней ты станешь законной женой лорда Иллингворта.

Миссис Арбетнот. Но, Джеральд...

Джеральд. Я настою на этом. Я его заставлю: он не посмеет отказаться.

Миссис Арбетнот. Но, Джеральд, это я отказываюсь. Я не выйду за лорда Иллингворта.

Джеральд. Не выйдешь? Мама!

Миссис Арбетнот. Я за него не выйду.

Джеральд. Но ты не понимаешь! Это ради тебя, не ради меня. Этот брак необходим, он должен состояться по совершенно понятным причинам, хотя мне он не поможет, не даст мне имени, которое было бы настоящим, моим по праву. Но для тебя, конечно, будет иметь значение, что ты, моя мать, станешь, хоть и поздно, женой моего отца. Разве это ничего не значит?

Миссис Арбетнот. Я за него не выйду.

Джеральд. Мама, ты должна выйти за него.

Миссис Арбетнот. Я не хочу. Ты говоришь об искуплении за причиненное мне зло. Чем его можно искупить? Никакого искупления быть не может. Я опозорена, а он - нет. Вот и все. Обычная история мужчины и женщины, так всегда было и так всегда будет. И конец ее - обыкновенный конец. Женщина страдает. А мужчина уходит свободным.

Джеральд. Я не знаю, мама, обыкновенный ли это конец: надеюсь, что нет. Но твоя жизнь, во всяком случае, на этом не кончится. Здесь мужчина должен искупить свою вину. И этого мало. Это не загладит прошлого, я понимаю. Но по крайней мере будущее станет лучше, мама, лучше для тебя.

Миссис Арбетнот. Я отказываюсь выйти за лорда Иллингворта.

Джеральд. Если б он пришел к тебе сам и просил бы твоей руки, ты ответила бы ему по-другому. Не забудь - он мой отец.

Миссис Арбетнот. Если б он пришел сам - чего он не сделает, - мой ответ был бы тот же самый. Не забудь, я твоя мать.

Джеральд. Мама, с тобой очень трудно разговаривать: я не понимаю, отчего ты не хочешь взглянуть на дело с правильной, с единственно возможной точки зрения. Это должно уничтожить горечь твоей жизни, должно снять тень с нашего имени - вот для чего нужен этот брак. Другого выхода нет; а после свадьбы мы с тобой уедем вместе. Но сначала должна быть свадьба. Это твоя обязанность не только по отношению к себе, но и ко всем другим женщинам, да, ко всем другим женщинам на свете, чтоб он их больше не обманывал.

Миссис Арбетнот. Я им ничем не обязана. Ни одна женщина мне не помогла. Ни у одной женщины я не могла бы найти ни сострадания, если б захотела его принять, ни сочувствия, если бы была его достойна. Женщины жестоки одна к другой. Эта девушка вчера вечером, хоть она и добрая, убежала от меня как от зачумленной. И она права. Я опозорена. Но мои грехи - только мои, и я одна буду нести их. Я должна нести их одна. Что общего со мной у тех женщин, которые не грешили, или у меня с ними? Нам не понять друг друга.

Входит Эстер.

Джеральд. Умоляю тебя, сделай, как я прошу.

Миссис Арбетнот. Какой сын просил мать о такой ужасной жертве? Не было такого сына!

Джеральд. Какая мать отказывалась выйти за отца своего ребенка? Не было такой матери!

Миссис Арбетнот. Что ж, пусть я буду первая. Я этого не сделаю.

Джеральд. Мама, ты веришь сама и меня тоже вырастила верующим. Так пускай же твоя вера, та вера, которой ты учила меня в детстве, мама, пускай эта вера окажет тебе, что я прав. Ты это знаешь, ты это чувствуешь.

Миссис Арбетнот. Не знаю и не чувствую. Никогда я не буду стоять перед алтарем и просить благословения божьего на такое отвратительное кощунство, как мой брак с Джорджем Харфордом. Я не смогу произнести тех слов, которые велит произнести церковь. Я не хочу и не смею произнести их. Как могу я обещать, что буду любить того, кого ненавижу, почитать того, кто покрыл тебя позором, повиноваться тому, кто, пользуясь своей властью, вовлек меня в грех? Нет! Брак - это таинство для любящих. А не для такого, как он, и не для такой, как я. Джеральд, я лгала всему свету, чтобы спасти тебя от насмешек и обид. Двадцать лет я лгала свету. Я бы не могла сказать правду. Да и кто мог бы? Но ради себя самой я не стану лгать богу и людям перед богом. Нет, Джеральд, никакой обряд, освященный церковью или законом, не соединит меня с Джорджем Харфордом. Быть может, я и теперь связана с ним, с тем, кто, обокрав меня, сделал меня богаче, и в грязи своей жизни я нашла бесценную жемчужину или то, что мне казалось жемчужиной.

Джеральд. Теперь я тебя не понимаю.

Миссис Арбетнот. Мужчины не понимают, что такое мать. Я отличалась от других женщин только тем, что передо мной виноваты, и я сама виновна в том, что перенесла тяжелую кару и глубокий позор. И все же чтобы родить тебя, мне пришлось взглянуть в глаза смерти. Чтобы выкормить тебя, мне пришлось бороться со смертью. Смерть боролась со мной из-за тебя. Всем женщинам приходится с ней бороться за жизнь своих детей. Смерть бездетна и потому хочет отнять детей у нас. Джеральд, ты был наг, и я одевала тебя, ты был голоден, и я кормила тебя. Всю ту долгую зиму я ходила за тобой день и ночь. Никакая услуга не низка, никакая забота не мелка ради того, кого любишь, - а я... о! как же я любила тебя. Не меньше, чем Анна Самуила. А ты нуждался в любви, ты был слаб, и только любовь сохранила тебе жизнь. Только любовь и может сохранить жизнь человеку. А мальчики нередко бывают небрежны и ранят без умысла, и нам всегда кажется, что они вознаградят нас за это потом, когда вырастут и поймут нас как следует. Но это неверно. Жизнь влечет их к себе, они дружат с теми, с кем им веселее, чем с матерью, у них есть развлечения, которых мы лишены, интересы, которые нам чужды: они часто несправедливы к нам, ибо за горечь жизни они всегда винят нас, а сладость жизни не делят с нами... У тебя завелось много друзей, ты бывал у них в домах и радовался вместе с ними, а я, храня свою тайну, не смела последовать за тобой, я оставалась дома и запирала дверь, пряталась от солнца и пребывала во тьме. Что было мне делать в почтенных семействах? Мое прошлое было всегда со мной... А ты думал, что я равнодушна к радостям жизни? Сознаюсь тебе, я о них тосковала, но не смела даже коснуться их, чувствуя, что у меня нет на это права. Ты думал, что мне нравится работать среди бедняков. Тебе казалось, что это мое - призвание. Вовсе нет, но куда же еще могла я деваться? Больные не спрашивают, чиста ли та рука, которая поправляет им подушку, и умирающим все равно, знали ли греховный поцелуй те уста, которые касаются их чела. Это о тебе я думала все время - я отдавала им ту любовь, в которой ты не нуждался; расточала на них чувство, которое не принадлежало им... А ты думал, что я слишком часто хожу в церковь, трачу слишком много времени на церковные дела. Но куда же еще могла я ходить? Божий дом - это единственный дом, где рады грешникам, а ты был всегда в моем сердце, Джеральд, всегда и везде. И хотя день за днем, утром и вечером я преклоняла колени в доме божием, я никогда не каялась в своем грехе. Как я могла каяться, когда

плодом этого греха был ты, любимый мой? Даже теперь, когда ты так суров со мной, я не раскаиваюсь. Нет. Ты для меня дороже, чем невинность. Для меня лучше быть твоей матерью - гораздо лучше! - чем сохранить навеки чистоту... Ах, как же ты не видишь, как же ты не понимаешь? Ведь это мой позор соединил нас так неразрывно, это мой позор сделал тебя еще дороже для меня. Я заплатила за тебя, заплатила ценой души и тела, оттого я и люблю тебя так. И не проси меня, не заставляй совершить эту мерзость. Ты дитя моего позора, так останься же им навсегда!

Джеральд. Мама, я не знал, что ты так меня любишь. И я теперь буду тебе лучшим сыном, чем был до сих пор. И мы с тобой никогда больше не расстанемся... но, мама... тут я ничего не могу... ты должна стать женой моего отца. Тебе надо выйти за него. Это твой долг.

Эстер (подбегает к миссис Арбетнот и обнимает ее). Нет, нет - не надо. Это будет настоящий позор, первый позор в вашей жизни. Настоящее бесчестье впервые коснулось бы вас. Оставьте его и уедем со мной. Есть другие страны кроме Англии. Да, другие страны за морем, гораздо лучше, мудрее, справедливее. Мир велик и просторен.

Миссис Арбетнот. Нет, только не для меня. Для меня он не шире ладони, и на пути моем - одни тернии.

Эстер. Так не должно быть. Мы найдем где-нибудь зеленые долины и светлые воды, а если надо плакать - ну что ж, будем плакать вместе. Ведь мы обе любили его!

Джеральд. Эстер!

Эстер (отстраняя его). Нет, нет, не надо! Вы не можете любить меня, если не любите ее. Вы не можете уважать меня, если не преклоняетесь перед ней. В ней воплотилось все страдание женщины. Не ее одну, всех женщин поразило горе в ее лице.

Джеральд. Эстер, Эстер, что же мне делать?

Эстер. Вы уважаете человека, который был вашим отцом?

Джеральд. Уважать его? Я его презираю. Он бесчестен!

Эстер. Благодарю вас, вчера вы спасли меня от него.

Джеральд. Это пустяки. Ради вашего спасения я готов умереть. Но вы так и не сказали, что мне делать сейчас?

Эстер. Разве я не благодарю вас за то, что вы спасли меня?

Джеральд. Но что же мне делать?

Эстер. Спросите свое сердце, а не меня. У меня не было матери, которую надо спасать - или оставлять на позор.

Миссис Арбетнот. Он жесток, да, жесток. Дайте мне уйти.

Джеральд (бросается к матери и становится перед ней на колени). Мама, прости меня: я был неправ.

Миссис Арбетнот. Не целуй моих рук: они холодны. Мое сердце холодно - оно разбито.

Эстер. Ах, не говорите так. Сердце живет ранами. Наслаждение может превратить сердце в камень, богатство может иссушить его, но горе... нет, горе не может разбить его. Да и какое же у вас горе? В эту минуту вы ему стали дороже чем когда-либо, как бы вы ни были дороги прежде, о, как вы были ему всегда дороги! Ах, будьте добры к нему.

Джеральд. Ты мне и мать и отец. И больше мне никого не нужно. Все это я говорил только ради тебя, ради тебя одной. О, скажи хоть слово, мама. Неужели я нашел одну любовь и потерял другую? Не говори этого. Ах, мама, ты жестока! (Встает и с рыданиями бросается на диван.)

Миссис Арбетнот (к Эстер). А он нашел другую любовь?

Эстер. Вы же знаете, я его полюбила с первого взгляда.

Миссис Арбетнот. Мы очень бедны.

Эстер. Кто беден, если его любят? Никто, ни один человек. Я ненавижу свое богатство. Оно гнетет меня. Пусть он разделит этот гнет со мной.

Миссис Арбетнот. Но мы опозорены. Мы в числе отверженных. У Джеральда нет имени. Грехи отцов да падут на детей их. Это закон божий.

Эстер. Я была неправа. Закон божий - только Любовь.

Миссис Арбетнот (встает и, взяв Эстер за руку, подводит ее к Джеральду, который лежит на диване, обхватив голову руками. Она дотрагивается до него, он поднимает голову). Джеральд, я не могу дать тебе отца, но я привела тебе жену.

Джеральд. Мама, я недостоин вас обеих.

Миссис Арбетнот. Если она пришла первая, значит, ты достоин. А когда ты уедешь, Джеральд... вместе с ней... вспоминай обо мне иногда. Не забывай меня. А когда станешь молиться, помолись за меня. Молиться надо в самые счастливые минуты, а ты будешь счастлив, Джеральд.

Эстер. Неужели вы хотите с нами расстаться?

Джеральд. Мама, ты же не уедешь от нас?

Миссис Арбетнот. Я навлекла бы на вас позор.

Джеральд. Мама!

Миссис Арбетнот. Тогда только ненадолго: а потом, если вы хотите, я всегда буду около вас.

Эстер (к миссис Арбетнот). Идемте с нами в сад.

Миссис Арбетнот. Не сейчас, немного погодя.

Эстер и Джеральд уходят. Миссис Арбетнот подходит к двери слева.

Останавливается перед камином и смотрит в зеркало. Входит Алиса.

Алиса. К вам пришли, сударыня.

Миссис Арбетнот. Скажите, что меня нет дома. Дайте мне его карточку. (Берет карточку с подноса и читает.) Скажите - я не могу его принять.

Входит лорд Иллингворт. Миссис Арбетнот видит его в зеркале, вздрагивает, но не оборачивается. Алиса выходит.

Что вам нужно от меня сегодня, Джордж Харфорд? Вам нечего мне сказать. Оставьте этот дом.

Лорд Иллингворт. Рэчел, Джеральд знает все о нас с вами, надо же прийти к какому-то соглашению, чтобы оно устроило всех троих. Уверю вас, он найдет во мне самого любезного и самого щедрого отца.

Миссис Арбетнот. Мой сын может войти в любую минуту. Я вас спасла вчера вечером. Сегодня это вряд ли удастся. Мой сын болезненно, очень болезненно переживает мой позор. Прошу вас уйти.

Лорд Иллингворт (сажаясь). Вчерашний вечер кончился крайне неудачно. Эта глупая девочка, эта пуританка устроила сцену только из-за того, что я хотел ее поцеловать. Что особенно дурного в поцелуе?

Миссис Арбетнот (оборачиваясь). Поцелуй может погубить всю жизнь, Джордж Харфорд. Я это знаю. Знаю слишком хорошо.

Лорд Иллингворт. Не стоит сейчас об этом спорить. И сегодня, так же как и вчера, для нас всего важнее наш сын. Я очень его люблю, как вам известно, и, хотя это может показаться вам странным, я просто в восторге от того, как он себя держал вчера вечером. Он, ни минуты не мешкая, встал на защиту этой хорошенькой недотроги. Он как раз таков, каким я хотел бы видеть моего сына. Кроме того разве, что мой сын ни в коем случае не стал бы защищать пуритан: это, конечно, ошибка. Так вот что я предлагаю...

Миссис Арбетнот. Лорд Иллингворт, никакие ваши предложения мне не интересны.

Лорд Иллингворт. По нашим нелепым английским законам я не могу усыновить Джеральда. Но я могу оставить ему мое состояние. Иллингворт, разумеется, родовое имение, но это не дом, а скучнейшая казарма. Он может получить Эшби, которое гораздо красивее, Харборо, там лучшие места для охоты во всей северной Англии, и дом на Сент-Джемс-сквер. Чего еще желать джентльмену?

Миссис Арбетнот. Ровно ничего, разумеется.

Лорд Иллингворт. Что касается титула, то в наше демократическое время он скорее помеха. Когда я был просто Джордж Харфорд, у меня было все, что я хотел. Теперь же у меня есть только то, чего хочется другим, а это гораздо менее приятно. Так вот что я предлагаю...

Миссис Арбетнот. Я уже сказала вам, что мне это неинтересно, и я прошу вас уйти.

Лорд Иллингворт. Мальчик будет жить полгода с вами, а остальные полгода со мной. Ведь это вполне справедливо, не так ли? Вы можете получить пособие, какое вам угодно, и жить где хотите. Что касается вашего прошлого, о нем никто не знает, кроме меня и Джеральда. Ну, конечно, еще эта пуританка в белом кисейном платье, но ее считать нечего. Она не может об этом рассказать, умолчав о том, что ее хотели поцеловать, а она противилась, не так ли? Но тогда все женщины сочтут ее дурой, а мужчины - недотрогой. И вам нечего бояться, у меня не будет других наследников, кроме Джеральда. Не стоит и говорить, что я вовсе не собираюсь жениться.

Миссис Арбетнот. Вы опоздали. Моему сыну вы не нужны. Мы обойдемся и без вас.

Лорд Иллингворт. Что вы хотите сказать, Рэчел?

Миссис Арбетнот. Для карьеры Джеральда вы уже не нужны. Теперь вы лишний.

Лорд Иллингворт. Не понимаю вас.

Миссис Арбетнот. Посмотрите в окно.

Лорд Иллингворт встает и подходит к окну.
Лучше не показывайтесь им: не будите неприятных воспоминаний.

Лорд Иллингворт смотрит в окно и отшатывается.
Она его любит. Они любят друг друга. Мы избавились от вас и теперь хотим уехать.

Лорд Иллингворт. Куда?

Миссис Арбетнот. Мы вам не скажем, а если вы отыщете нас, мы вас не узнаем. Кажется, вас это удивляет? Чего же вы ожидали от девушки, чьи уста вы хотели осквернить поцелуем, от юноши, чью жизнь вы покрыли позором, от матери, которую обесчестили?

Лорд Иллингворт. Как вы стали суровы, Рэчел.

Миссис Арбетнот. Я была когда-то слишком мягка. Для меня лучше, что я изменилась.

Лорд Иллингворт. Я был очень молод тогда. Мы, мужчины, узнаем жизнь слишком рано.

Миссис Арбетнот. А мы, женщины, узнаем жизнь слишком поздно. Вот в чем разница между мужчинами и женщинами.

Пауза.

Лорд Иллингворт. Рэчел, я не могу без сына. Мои деньги ему, может быть, и не нужны. Может быть, и сам ему не нужен, но мне без него нельзя. Помогите нам

сблизиться, Рэчел. Вы это можете, если захотите. (Замечает письмо на столе.)

Миссис Арбетнот. Вам нет места в жизни моего сына. Вы ему неинтересны.

Лорд Иллингворт. Тогда зачем же он мне пишет?

Миссис Арбетнот. Не понимаю вас.

Лорд Иллингворт. Что это за письмо? (Берет письмо.)

Миссис Арбетнот. Это... так, пустяки. Дайте его мне.

Лорд Иллингворт. Оно адресовано мне.

Миссис Арбетнот. Не распечатывайте. Я запрещаю вам.

Лорд Иллингворт. И почерк Джеральда.

Миссис Арбетнот. Оно не должно было попасть к вам. Это письмо он написал вам утром, до того как увиделся со мной. А теперь он жалеет, что написал его, очень жалеет. Вам нельзя его вскрывать. Отдайте мне.

Лорд Иллингворт. Оно мое. (Распечатывает конверт, садится и не торопясь читает письмо.)

Миссис Арбетнот не спускает с него глаз.

Вы, я думаю, читали это письмо, Рэчел?

Миссис Арбетнот. Нет.

Лорд Иллингворт. Вы знаете, о чем оно?

Миссис Арбетнот. Да.

Лорд Иллингворт. Я никак не могу согласиться с тем, что он пишет. Не могу согласиться с тем, что я будто бы должен на вас жениться. Совершенно отрицаю это. Но чтоб вернуть моего сына, я готов, да, готов жениться на вас, Рэчел, и всегда оказывать вам то уважение, которое подобает моей жене. Я женюсь на вас, когда вам будет угодно. Даю вам слово.

Миссис Арбетнот. Вы уже давали это слово однажды и не сдержали его.

Лорд Иллингворт. А теперь сдержу. И это вам покажет, что я люблю моего сына не меньше, чем вы его любите. Ведь когда я женюсь на вас, Рэчел, мне придется отказаться от моих честолюбивых замыслов. Высоких замыслов, если честолюбие можно назвать высоким.

Миссис Арбетнот. Я не приму вашего предложения, лорд Иллингворт.

Лорд Иллингворт. Вы шутите?

Миссис Арбетнот. Нет.

Лорд Иллингворт. Объясните же причины. Они мне крайне интересны.

Миссис Арбетнот. Я уже объясняла их моему сыну.

Лорд Иллингворт. Это, верно, что-нибудь очень сентиментальное, не так ли? Вы, женщины, живете только чувством и ради чувства. У вас нет никакой жизненной философии.

Миссис Арбетнот. Да, вы правы. Мы, женщины, живем чувством и ради чувства. Страстью и ради страсти, если вам угодно. У меня две страсти, лорд Иллингворт: моя любовь к сыну, моя ненависть к вам. Убить их вы не можете. Одна питает другую.

Лорд Иллингворт. Что же это за любовь, которая не может жить без двойника - ненависти?

Миссис Арбетнот. Это та любовь, которой я люблю Джеральда. Вы думаете, что это страшно? Да, страшно. Всякая любовь страшна. Всякая любовь - трагедия. Я любила вас когда-то, лорд Иллингворт. О, какая это трагедия для женщины - любить вас!

Лорд Иллингворт. Так вы и вправду отказываетесь выйти за меня?

Миссис Арбетнот. Да.

Лорд Иллингворт. Потому что ненавидите меня?

Миссис Арбетнот. Да.

Лорд Иллингворт. И мой сын тоже ненавидит меня, как вы?

Миссис Арбетнот. Нет.

Лорд Иллингворт. Я рад этому, Рэчел.

Миссис Арбетнот. Он просто презирает вас.

Лорд Иллингворт. Как жаль! Жаль его, я хочу сказать.

Миссис Арбетнот. Не обманывайте себя, Джордж. Дети начинают с того, что любят родителей. Потом они судят их. И почти никогда не прощают им.

Лорд Иллингворт (очень медленно перечитывает письмо). Позвольте спросить, какими доводами вы убедили мальчика, написавшего это письмо, это чудесное, вдохновенное письмо, что вам не следует выходить замуж за его отца, за отца вашего собственного ребенка?

Миссис Арбетнот. Не я убедила его. Это сделала другая.

Лорд Иллингворт. Кто же эта передовая особа?

Миссис Арбетнот. Та самая пуританка, лорд Иллингворт.

Пауза. Лорд Иллингворт хмурится, затем встает и медленно подходит к столу, где лежит его шляпа и перчатки. Миссис Арбетнот стоит возле стола. Он берет одну перчатку и начинает ее натягивать.

Лорд Иллингворт. Пожалуй, здесь мне больше нечего делать, Рэчел?

Миссис Арбетнот. Нечего.

Лорд Иллингворт. Это прощание, да?

Миссис Арбетнот. Надеюсь, навсегда, лорд Иллингворт.

Лорд Иллингворт. Как странно! В эту минуту у вас точно такое же выражение, как в ту ночь, когда вы ушли от меня. И губы сжаты точно так же. Честное слово, Рэчел, ни одна женщина не любила меня так, как вы. Вы подарили мне себя как цветок, я мог делать с ним что хочу. Вы были самой прелестной игрушкой, самым пленительным коротеньким романом... (Достаёт часы.) Без четверти два! Пора идти обратно в Ханстенон. Пожалуй, я вас больше не увижу. Мне, право, очень жаль. Забавно встретить среди людей своего же круга свою любовницу, окруженную таким уважением, и своего собственного...

Миссис Арбетнот хватает перчатку и ударяет лорда Иллингворта по лицу. Лорд Иллингворт содрогается от стыда - он потрясен. Затем, овладев собой, подходит к окну и смотрит на своего сына. Вздыхает и выходит из комнаты.

Миссис Арбетнот (рыдая, падает на диван). Он мог это сказать! Он мог это сказать!

Из сада входят Джеральд и Эстер.

Джеральд. Что же, милая мама! Ты так и не вышла. Мы сами за тобой пришли. Мама, ты плакала? (Становится перед ней на колени.)

Миссис Арбетнот. Мой мальчик! Мой мальчик! Мой мальчик! (Проводит рукой по его волосам.)

Эстер (подходит к ним). У вас теперь двое детей. Вы позволите мне быть вашей дочерью?

Миссис Арбетнот (глядя на нее). А вы хотите, чтобы я была вашей матерью?

Эстер. Только вас одну и хочу - из всех женщин, каких я знала.

Обнявшись, они идут к двери в сад. Джеральд подходит к столу взять шляпу. Замечает на полу перчатку лорда Иллингворта и поднимает ее.

Джеральд. Послушай, мама, чья это перчатка? У тебя был гость? Кто это такой?

Миссис Арбетнот (оборачиваясь к нему). О, никто. Что о нем говорить? Человек, не стоящий внимания.

Занавес

Dorian-Gray.ru - Портрет Дориана Грея - книга, фильм, цитаты!

ПРИМЕЧАНИЯ

"ЖЕНЩИНА, НЕ СТОЯЩАЯ ВНИМАНИЯ"

("A Woman of No Importance")

Премьера состоялась 19 апреля 1893 Года в лондонском театре Хаймаркет, где комедия была поставлена известным актером и режиссером Бирбом-Три. Первое издание - 1894 год.

Стр. 202. Сфинксы без загадки - в античной мифологии чудовища, убивавшие тех, кто не отгадывал их загадок. Сфинксы без загадки - непонятные люди, но отгадывать, почему они таковы, бесполезно, ибо в них нет ничего загадочного.

Стр. 204. Книга Жизни начинается с мужчины и женщины в саду. - Намек на то, что в Библии первая часть "Бытие" содержит легенду о первых людях - Адаме и Еве, которые до своего "грехопадения" жили в райском саду Эдеме.

А кончается Откровением. - Последняя часть Библии "Откровение Иоанна Богослова" написана пророчески грозно и нравоучительно; карающий ангел является с небес на землю, чтобы разрушить Вавилон.

Стр. 213. ...железную выставку в городке с таким смешным название м... - Имеется в виду выставка в Чикаго в 1893 году.

Стр. 232. Биметаллизм. - В конце XIX века была выдвинута идея международной монетной системы двойного характера, при которой не только золото, но и серебро является платежным средством и мерилем стоимости. Вопрос этот обсуждался в экономических и правительственных кругах, был предметом международных конференций, но так и не получил решения.

Стр. 233. Патагония - в те времена наименее цивилизованная часть Аргентины.

Стр. 249. Не меньше, чем Анна Самуила. - Самуил - библейский пророк, Анна - его мать.